

9 28.

P176567

Удар по врагу

УДАР ПО ВРАГУ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КРУЖКОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СОДЕРЖАНИЕ

П Ь Е С Ы

<i>Белла Балаш.</i> Солдат Зедедьмейер. Перев. В. Финка.	5
<i>Д. Долев и Ник. Мерцальский.</i> Булавочный укол.	11
<i>А. Баранов и В. Цам.</i> Однажды ночью.	19
<i>А. Волевский.</i> Разведчик.	22
<i>В. Ардов.</i> Девушка с характером.	26

РАССКАЗЫ

<i>Ванда Василевская.</i> Ненависть.	33
<i>Ванда Василевская.</i> В хате.	35
<i>Леонид Соболев.</i> Парикмахер Леонард.	40
<i>Леонид Соболев.</i> Соловей.	42
<i>Лев Кассиль.</i> Ромео на посту.	45
<i>Лев Кассиль.</i> Сын тети Паши.	46
<i>Лев Кассиль.</i> Кровник.	48
<i>Евг. Пермьяк.</i> Кто Ленина лучше видит.	51
<i>Б. Ромашев.</i> Рассказ машиниста.	53
<i>М. Марич.</i> Актриса.	57
<i>С. Люм.</i> Виноград.	60
<i>Матвей Ройзман.</i> Мечта ефрейтора Допцеля.	63

СТИХОТВОРЕНИЯ

<i>А. Пушкин.</i> Клеветникам России.	67
<i>Ф. Тютчев.</i> Славянам.	68
<i>И. Никитин.</i> Русь.	69
<i>В. Маяковский.</i> Барабанная песня.	71
<i>Константин Симонов.</i> Жди меня.	72
<i>Джек Алтаузен.</i> Родина смотрела на меня.	73
<i>Антон Ашкерц.</i> Великий язык. Перев. со словенского М. Замаховской.	74
<i>Владислав Броневский.</i> Сын Польши. Перев. с польского М. Замаховской.	75
<i>Максим Рыльский.</i> Москва.	76
<i>Мария Замаховская.</i> Русские гостиницы.	76
<i>А. Барто.</i> Уральцы бьются здорово.	78
<i>А. Барто.</i> Сашко.	79
<i>А. Барто.</i> Родная улица.	81
<i>А. Барто.</i> Московской девушке.	82
<i>Наульный.</i> Возмездие.	83
<i>И. Садофьев.</i> Гранитная твердыня.	84
<i>И. Садофьев.</i> От ворот поворот.	85
<i>Ник. Мерцальский.</i> Бессоница.	89
<i>М. Слободской.</i> В центре города Берлина.	91
<i>Ц. Солодарь.</i> Новогодняя баллада о трех мародерах.	92
<i>И. Садофьев.</i> Комсомольская боевая.	93

ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ

<i>Штейнпресс.</i> Уральская конница.	97
<i>Покрасс.</i> Кавалерийский эскадрон.	99
<i>Салман Владимиров.</i> Боевая уральская.	102
<i>Кабалевский.</i> Комсомольская боевая.	104
<i>Кабалевский.</i> Два брата.	106
<i>В. Трапезников.</i> Оборонные частушки.	108
<i>А. Баранов.</i> Боевые частушки.	109

В книжке собраны одноактные пьесы, рассказы, стихи, а также песни, премированные на конкурсе, организованном Союзом советских композиторов совместно со Свердловским отделением Союза советских писателей и Свердловским обкомом ВЛКСМ.

Сборник составлен по инициативе Свердловского Дома народного творчества.

П Ь Е С Ы

СОЛДАТ ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР

БЕЛАА БАЛАШ

(Перевод В. Финка)

Участвуют: офицер
солдат Зедельмейер.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Просека в лесу. Ночь. В небе шарят прожекторы. Отдаленные звуки, жужжание самолета. На середину сцены опускается парашютист. Это офицер германских военно-воздушных сил — молодой человек спортивного вида.

ОФИЦЕР (*быстро снимает с себя парашют*). Так... Первая часть выполнена... (*Смотрит вверх*). Где же, однако, наш самолет?.. Ага! Ждет моего сигнала! (*Сигнализирует карманным фонарем*.) Так... Теперь ты знаешь, где должен искать меня... (*Внезапно гасит огонь*.) Ох! Будь они трижды прокляты... Подбили! (*Оглядывается вокруг*.) Хорошо, хоть мы успели выброститься. Теперь надо посмотреть, где этот австрийский идиот. (*Подает сигнал, подражая птице. С вершины дерева, в правой стороне сцены, слышен ответный сигнал*.) Этот болван где-то здесь, поблизости. (*Идет влудь. Шепчет*.) Эй! Зедельмейер!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*еще невидимый, на дереве, жалобным, стоющим голосом*). Здесь, господин обер-лейтенант!

ОФИЦЕР (*грубо*). Где вы там, чорт вас возьми? Не вижу!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*вздыхает совсем не по-военному*). Здесь, на дереве, господин обер-лейтенант. Застрял между ветвей... Это ель, господин обер-лейтенант... Она царапается.

ОФИЦЕР. Снять парашют, дубина! И живей слезайте!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*все еще невидимый*). Я бы и сам хотел слезть, господин обер-лейтенант. Ведь я не птичка, чтобы сидеть на дереве. Но я не могу выпутаться из этих веревочек.

ОФИЦЕР. Обрежьте их.

(Зедельмейер слезает с дерева. Это маленький, круглый человек. Он в русской крестьянской одежде. Ему под 50 лет. Его добродушие придает ему совсем невоенный и даже комичный вид.)

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Слушаю, господин обер-лейтенант! Обрезал.

ОФИЦЕР (*насмешливо*). Тоже парашютист!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Виноват, господин обер-лейтенант!

ОФИЦЕР (*попрежнему насмешливо*). Чего вы пыхтите, как буйвол?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. С непривычки, господин обер-лейтенант. Я старый пехотинец. Вот уже пятьдесят лет как я хожу пешком. А птицей, осмелюсь доложить, никогда не был, никогда не летал, на ветвях никогда не сидел и с парашютом никогда не прыгал, господин обер-лейтенант.

ОФИЦЕР (*с нескрываемым презрением*). Ко всему вы, кажется, еще и австриец?!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*обрадованно*). Так точно, господин обер-лейтенант! Я из Модлинга, под Веной. Там у меня маленькое садоводство и пасека. Как это вы угадали, господин обер-лейтенант?..

ОФИЦЕР. По вашей глупой роже. Откуда еще приходят в армию такие тюфяки, если не из-под Вены?! Австрийцы никогда не имели северо-германского мужества! Вы даже не понимаете, что это такое... Тоже солдаты...

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Правильно, господин обер-лейтенант! Правильно. Я знавал у нас в Модлинге некоего Допельмайера. Так вот, он говорил, что мы, австрийцы, даже и не должны были бы быть мобилизованы в германскую армию. Мы, говорил он, не годимся для этого и, кроме того, на какого чорта это нам нужно? Да, так он говорил, этот Допельмайер, все время, пока его не посадили в тюрьму.

ОФИЦЕР. Довольно болтать! Снять парашют! Или, по-вашему, он должен развеяться на дереве? Чтобы большевики ясно видели, где мы приземлились?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Ах, верно, господин обер-лейтенант! Опять вы правы. (*Лезет на дерево.*) Но, осмелюсь напомнить, я же вам говорил, господин обер-лейтенант, что со мной вы будете иметь одни неприятности. И как это только посылают старого австрийского болвана на такое опасное дело?

ОФИЦЕР (*подходит и помогает Зедельмейеру. Принимает фальшивый дружеский тон*). Ничего, старый дуралей! Все пойдет гладко и быстро! Наши танки будут здесь через двадцать четыре часа.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Вот это здорово!

ОФИЦЕР. Конечно, здорово! Но мы должны с вами еще поработать.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Слушаю, господин обер-лейтенант! Я не из трусливых. Вот я и с самолета спрыгнул. Приказ есть приказ! Ничего не поделаешь. Повар прикажет, и бычье идет на котлеты! (*Слезает с дерева, таща за собой парашют.*) Правда, северные немцы, как вы, господин обер-лейтенант, больше годились бы для этого дела.

ОФИЦЕР. Довольно там молоть. (*Дает ему метлу.*) Замести следы! (*Сам тоже принимается за работу. Зедельмейер не работает и наблюдает.*) Ну, чего ты смотришь? За работу!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Пожалуйста, господин обер-лейтенант... (*Также принимается за работу.*) Я и сам вижу, что я человек бесполезный.

ОФИЦЕР. Вы нужный человек, хоть и болван! Вы говорите по-русски и хорошо знаете эту местность?.. Ведь так?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Так точно, господин обер-лейтенант. Я говорю по-русски. Я был военнопленным в России в ту войну, да и после войны жил там.

ОФИЦЕР (*прерывает его и прислушивается*). Тсс!.. Тише!.. Нет, ничего! Только говорите потише. (*Снова принимается за работу.*)

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (шопотом, почти на ухо офицеру). Я привез жену из России. И дома, между собою, мы почти всегда говорим по-русски.

ОФИЦЕР. Скотина! Жениться на русской! На полуживотном!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (покашливает со сдержанным раздражением). Гм! Однако вам вот пригодилось, что я знаю русский язык.

ОФИЦЕР. Не шумите метлой!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Моя бабушка с материнской стороны была чешка. Я должен предупредить вас об этом, пока не поздно, господин обер-лейтенант. Ее звали Пиапшишка. Быть может, я не гожусь в герои и вы отпустите меня?

ОФИЦЕР. Молчать, старый болтун!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Слушаю, господин обер-лейтенант. Понял...

ОФИЦЕР. Откуда вы знаете окрестности Новых Лужков?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Если это село Новые Лужки, то я здесь больше года работал у помещика.

ОФИЦЕР. Местность помните?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. А что здесь помнить, господин обер-лейтенант? Дом помещика и кругом грязь и темнота. Прямо скажу вам, люди жили здесь, как скот. Пахали сохой, да еще иногда запрягали женщин.

ОФИЦЕР. Ну, это еще было счастливое время! Теперь стало хуже.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. В таком случае здесь нет ничего, что могло бы нас интересовать, по-моему, господин обер-лейтенант. Нищий народ!

ОФИЦЕР. Глупый народ!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Совсем необразованный народ, господин обер-лейтенант. Ни одной школы; один врач на семь деревень.

ОФИЦЕР. Ничего, наши танки освободят их от большевизма, мы установим новый порядок.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Это хорошо, господин обер-лейтенант. Хотя у нас в Модлинге был некий Кначке. Он всегда говорил, что надо было бы, чтобы танки навели какой-нибудь новый порядок в Германии. Так он всегда говорил, этот Кначке, пока его не посадили в тюрьму.

ОФИЦЕР (прекращая работу). Довольно болтать! Отправляйтесь в разведку! Вы должны добраться к рассвету до села Новые Лужки.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Понял, господин обер-лейтенант!

ОФИЦЕР. Спокойствие и выдержка. До наступления темноты вернуться. Доставить точные сведения о расположении фермы и электростанции.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (очень удивлен). Какая там ферма? Откуда? Ничего подобного там нет! Какая электростанция? Что вы, господин обер-лейтенант. Тогда не было ничего подобного! А при большевиках страна ведь опустилась еще ниже, господин обер-лейтенант! Вы сами говорили!

ОФИЦЕР. Зедельмейер! Не рассуждать! Вы слишком много рассуждаете! Сразу видно австрийского дурака!.. Марш в разнедку! Понял?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*навытяжку*). Так точно, понял, господин обер-лейтенант.

ОФИЦЕР. Что вы поняли?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Я австрийский дурак и рассуждаю.

ОФИЦЕР. Кругом марш! И чтобы к вечеру быть обратно.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Слушаю, господин обер-лейтенант. (*Поворачивается и уходит.*)

(Занавес).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер. Направо лесная поляна. Налево дорога в лес. Из лесу осторожно вылезает офицер. Прячется за кустом. Вооружившись полевым биноклем, обозревает местность. Внезапно он нагибается, ползет обратно и скрывается направо за кустом.

Слева медленно входит Зедельмейер, погруженный в думы. Он останавливается и, посмеиваясь, покачивает головой.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*бормочет про себя*). Нет, это невозможно! Дружище Зедельмейер, это тебе приснилось! Какая молочная ферма!.. Водопровод!.. Приснилось! Ну, конечно, приснилось! (*Оглядывается.*) И школа! И площадка для спорта! (*Трет себе лоб.*) Проснись, дружище Зедельмейер! В таком виде нельзя явиться к господину обер-лейтенанту! (*Садится под дерево. Офицер из-за кустов следит за ним.*) Совсем, как говорил Шульц в Модлинге: или господа офицеры дураки и ничего не знают, или они все знают и только морочат солдату голову. Так он всегда говорил, этот Шульц, пока его не посадили в тюрьму... В Новых Лужках школа! Больница! Клуб! Почта! В школе играли на пианино!.. В Новых Лужках?.. Нет, проснись, мой друг Зедельмейер! Проснись!.. (*Закрывает лицо руками.*)

ОФИЦЕР (*поднимается, подходит ближе*). Зедельмейер!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*испуганно вскакивает, стоит навытяжку*).

Прибыл по вашему приказанию, господин обер-лейтенант!

ОФИЦЕР. Чего же вы дрыхнете?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант... Я хотел собраться с мыслями.

ОФИЦЕР. Это не ваша обязанность — мыслить.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Вы правы, господин обер-лейтенант. У нас в Модлинге жил некий Шмидт. Так он, представьте себе, любил мыслить и все время мыслил, пока его не посадили в тюрьму.

ОФИЦЕР. Довольно болтать! В Лужках были? Видели? Докладывайте!..

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Лужки выглядят так... будто они внезапно разбогатели.

ОФИЦЕР. Одна видимость! Обман.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Я тоже так думаю, господин обер-лейтенант. Просто большевики хотят поразить мир культурой... Однако они здорово делают это, господин обер-лейтенант...

ОФИЦЕР. Говорите, чорт возьми!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Я видел, например, стадо коров. Но каких! А принадлежат крестьянам!.. Обман, конечно!.. Видимость, господин обер-лейтенант! Но, осмелюсь доложить, видимость очень хорошего качества! Они хотят поразить мир... Но это получается убедительно, господин обер-лейтенант, осмелюсь доложить... Вот, к примеру, гуси, свиньи! Конечно, видимость! Но какая!.. А дети! Сытые, краснощекие! Все, конечно, только так, для вида! Но я-то видел! Как это объяснить?..

ОФИЦЕР. Не ваше дело объяснять! Вы болван! И к тому же солдат. Ваше дело исполнять приказания. Электростанцию нашли?

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Так точно, нашел, господин обер-лейтенант.

ОФИЦЕР. Сегодня же вечером взорвать!..

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. Но если все только видимость, то как же ее взорвать, господин обер-лейтенант?

ОФИЦЕР (*подходит к Зедельмейеру вплотную и кладет руку на кобуру*). Не валять дурака! Иначе это может для вас плохо кончиться.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*стоя навытяжку*). Понял, господин обер-лейтенант. У нас в Модлинге был некий Вагнер. Он валял дурака и говорил, что в России нет помещиков. Такой чудак! И этак он твердил свое, пока его не посадили в тюрьму.

ОФИЦЕР. Довольно! Взять ящик с минами и марш к электростанции.

(Занавес).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Ночь. Офицер и Зедельмейер закладывают шнур.

ОФИЦЕР. Так! Все в порядке! Майор будет доволен... И вы тоже получите награду, старина. Нашей мины хватит на два таких здания!.. Через четверть часа все полетит к чертям...

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. А завтра придут немецкие танки?..

ОФИЦЕР. Конечно... Так... Все... Поджечь шнур.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*Неподвижно уставился на шнур*).

ОФИЦЕР (*яростно шипит*). Поджечь, я сказал...

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*шарит в кармане*). Не найду зажигалку, господин обер-лейтенант.

ОФИЦЕР (*вытаскивает револьвер*). Найди немедленно!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*Не находит*).

ОФИЦЕР. Если вы не найдете зажигалку сию же минуту, я прищелкну вас, как собаку.

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*Не находит*).

ОФИЦЕР (*взвел курок*). Немедленно зажигалку!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (*вытаскивает зажигалку из кармана*). Слушаю, господин обер-лейтенант! (*Поджигает шнур*).

ОФИЦЕР. Так!.. Теперь бегите отсюда. (Сам удаляется от шнура.)

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (установившись на горящий фитиль). Осмеюсь доложить, господин обер-лейтенант. Сколько крестьянского труда сейчас пропадет! У нас в Модлинге жил один садовник...

ОФИЦЕР. Ну, какого чорта вы там возитесь? Или вы хотите взлететь на воздух?.. (Издалека слышен собачий лай.) Они!.. Они напали на наш след!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. (Как в столбняке, молчит.)

ОФИЦЕР. Бегите же, идиот! (Лай приближается.)

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР. (Внезапно поднимается и тушит тлеющий шнур ногами.)

ОФИЦЕР (хватает Зедельмейера за грудь, выхватывает револьвер). Гнусная австрийская собака! Предатель!

ЗЕДЕЛЬМЕЙЕР (бьет офицера кулаком по лицу так, что тот отлетает). Да, я австриец. (Хватает офицера за горло и душит его. Борьба. Офицер стреляет, но не попадает.) Ну, вот, господин обер-лейтенант. Теперь вы им сами показали, где мы находимся. Вы хотели уйти? У Зедельмейера из Модлинга крепкие руки, крестьянские... (Душит его.) Ну, вот. Кажется теперь вы немножко спокойнее. (Опускает труп на землю.) Я ведь говорил вам, что со мной у вас будут одни неприятности!

(Занавес).

БУЛАВОЧНЫЙ УКОЛ

Д. ДОЛЕВ и Ник. МЕРЦАЛЬСКИЙ

Участвуют: Катярикс Витачек, лаборант консервного завода
Карл Бедрюкер, директор завода.

Действие происходит в лаборатории бывшего чехословацкого консервного завода, реквизированного немцами. Катярикс Витачек производит химический анализ мясных консервов; молодая, красивая женщина бледна и печальна.

КАТАРИНА (*работая, тихо и с глубоким чувством напевает*).

Трансвааль, Трансвааль,
Страна моя,
Ты вся горишь в огне!..

БЕДРЮКЕР (*входя*). Поторапливайтесь с анализом мясных консервов, госпожа Витачек, поторапливайтесь! Армию надо кормить, а то она перестанет бить!.. Ха-ха-ха! Неплохая рифма получилась, а? Пожалуй, не хуже, чем у самого господина Геббельса. Как вы думаете, госпожа Витачек?

КАТАРИНА (*холодно*). Я стихов господина Геббельса не читала.

БЕДРЮКЕР. Ай-ай-ай! Госпожа Витачек! Даже для женщины это недопустимый пробел в образовании! Не читать стихов господина Геббельса!

КАТАРИНА (*со скрытой иронией*). Я имела удовольствие читать только его художественную прозу.

БЕДРЮКЕР. Художественную прозу? Я что-то не припомню никаких художеств господина Геббельса. Очевидно вы имеете в виду его какой-нибудь забытый роман?

КАТАРИНА. Нет, я имею в виду незабываемые информационные сводки господина Геббельса о победах германского оружия на Восточном фронте, господин Бедрюкер.

БЕДРЮКЕР. О, это настоящее искусство! Я никогда не забуду, как красочно описал господин Геббельс подвиг одного нашего фельдфебеля. Я по этому поводу создал небольшую поэму в четыре строки:

Фельдфебель, в плен взяв полк, остался цел!
Вот это нервы!
Он совершил свой подвиг потому, что ел
Бедрюкера консервы!

КАТАРИНА. У вас настоящий поэтический дар, господин Бедрюкер.

БЕДРЮКЕР (*без ложной скромности*). Я этого никогда не скрывал, госпожа Витачек. Мой отец был колбасником в Циппельдорфе, а я писал для его фирмы рекламы в стихах... „Лучшие

колбасы из нашей мясной массы!" Потом мои таланты заметил фюрер, и я, как способный штурмовик, был назначен командиром роты пропаганды... Мои лозунги в стихах незабываемы! Вся армия до сих пор помнит: „Режь барана, бей быка и руби большевика!" Мы под этим лозунгом прошли Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию, Югославию, Грецию...

КАТАРИНА. Почему же вы, господин Бедрюкер, оставили вашу победоносную армию и пошли на консервный завод?

БЕДРЮКЕР. Армия пошла на Россию, а я предпочел издали снабжать ее превосходными консервами... Наши дороги разошлись... Я решил доставлять фронту пищу телесную. Как говорится, соединил полезное с безопасным... За стихи у нас очень мало платят, а консервы теперь в цене! Кстати, о консервах! Я прошу вас, госпожа Витачек, ускорить анализ. Каждая минута дорога!

КАТАРИНА. Я делаю все, что от меня требуется, господин Бедрюкер. Работаю в этой лаборатории по восемнадцать часов в сутки! Я почти не бываю дома. Мои дети скоро забудут, как выглядит их мать!

БЕДРЮКЕР. Что делать, госпожа Витачек, — война! А война требует жертв. Но я уверен, что скоро война закончится. Через три недели мы завоюем Россию, потом еще через три недели — Англию, а затем через следующие три недели...

КАТАРИНА. Америку?

БЕДРЮКЕР. Обязательно! Воздушным десантом в Нью-Йорк! Впрочем, я полагаю, что перед завоеванием Америки наш фюрер сделает маленькую передышку... Сперва передышка, потом Америке крышка! Я сегодня в ударе, чорт возьми! *(Берет банку консервов и нюхает их.)* Этот волшебный аромат вареного мяса невольно возбуждает у каждого арийца дьявольский аппетит! Жаль только, что за последнее время здесь значительно убавилось скота.

КАТАРИНА. Ах, что вы, господин Бедрюкер! Наоборот! У нас все говорят, что с приходом немцев в Чехию очень много прибавилось скотины.

БЕДРЮКЕР *(не понял)*. Возможно, но все-таки ее нехватает... Ай-ай-ай! Наша частная беседа продолжалась семь с половиной минут, считаю для круглого счета десять... Следовательно, вам придется, госпожа Витачек, ровно на десять минут сократить свой обеденный перерыв... Вы, кажется, возражаете?

КАТАРИНА. О, нет! Я никогда не возражаю против умных распоряжений!

БЕДРЮКЕР. Очень рад! Я вижу, чехи начинают исправляться и подавать надежду, что скоро станут хорошими работниками у нашего фюрера. Вы, дорогая госпожа Витачек, тоже подаете мне надежды... *(Хочет ее обнять.)*

КАТАРИНА *(брезгливо отстраняясь)*. Ах, господин Бедрюкер! Мы рискуем потерять еще десять служебных минут!

БЕДРЮКЕР. Не беспокойтесь, госпожа Витачек... Я здесь хозяин и могу распоряжаться на заводе, как мне...

КАТАРИНА. Вы забываете, господин Бедрюкер, что армию надо кормить... А то она перестанет бить...

БЕДРЮКЕР. Ах, да! Совершенно верно! Командование приказало мне не позднее десяти часов вечера отправить все наши консервы на Восточный фронт.

КАТАРИНА. Как? Опять все мясо отправляют в армию! Население голодает, наши дети второй год не видят ни мяса, ни молока, а вы...

БЕДРЮКЕР. Госпожа Витачек! Вы, кажется, начали забываться?.. Впрочем, у меня есть одна странность: я никогда не слышу то, что говорят симпатичные мне женщины, но... кстати замечу вам, что приказы военного командования никакому обсуждению не подлежат. Мы посылаем все запасы на фронт потому, что наша армия хочет есть!

КАТАРИНА. Зачем же генерал фон Пух писал в своем обращении к солдатам, что война с Россией их накормит и оденет?

БЕДРЮКЕР. Я не знаю, что писал генерал фон Пух, но я знаю, чего от меня хочет интендант фон Прах... Наши войска до сих пор не получили ни знаменитого украинского сала, ни московских калачей, ни ленинградских сигов... Русские вывозят все без остатка или уничтожают... А эти проклятые партизаны уничтожают даже наши собственные продукты! Как вам это нравится, госпожа Витачек?

КАТАРИНА. Очень!

БЕДРЮКЕР. Что очень? Очень нравится или очень не нравится?

КАТАРИНА. Разве вам это не ясно, господин Бедрюкер?

БЕДРЮКЕР. В том-то и штука, что в вашей... то-есть в нашей Чехии все стало как-то неясно...

КАТАРИНА. Что же вам неясно, господин Бедрюкер?

БЕДРЮКЕР. Германия осчастливила чехов своим покровительством, а чехи не хотят за нас воевать! Почему не хотят? Неясно. Почему они, европейцы, когда мы их посылаем на русский фронт, сдаются в плен азиатам-большевикам? Почему наши поезда так часто идут под откос? Почему комендант нашего города майор фон Думеркопф очутился в колоде и утонул в неестественном положении головой вниз? Неясно, госпожа Витачек, совершенно необъяснимо! Фюрер сказал: „Если в покоренной стране ты хочешь чувствовать себя спокойным, уничтожь половину населения, тогда другая половина в страхе падет перед тобой на колени“. (Посмотрев на часы.) Вам придется сократить свой обеденный перерыв еще на пять минут. Мы сделали все, что советовал фюрер, но никто еще из нас не чувствовал себя в Чехии спокойно!.. (Спохватился.) Я говорю это в смысле... в том смысле, что нас волнуют такие прекрасные женские экземпляры, как вы! Насколько я знаю, вы одинокая вдова, а я...

КАТАРИНА. А вы женаты.

БЕДРЮКЕР. О, я совсем не про то говорю! Мою старую обезьяну Амальхен я могу в любой момент посадить в тюрьму за саботаж.

КАТАРИНА. Как за саботаж?

БЕДРЮКЕР. Наш фюрер приказал германским женщинам рожать для армии сыновей, а она родила мне пять девочек и ни одного парня! Явный саботаж распоряжений правительства! Захочу,— устраню на законном основании Амальхен и женюсь на другой.

КАТАРИНА (с усмешкой). Воображаю эту счастливую женщину!

БЕДРЮКЕР (самодовольно). Да, я могу составить счастье любой женщины. К сожалению, полноценный ариец не может жениться на славянке, но не отчаивайтесь: я придумал очень тонкий выход. Господы Розенберг в своем научном труде предлагает сделать славян рабами немецкой расы господ...

КАТАРИНА (нервно). Вы мне мешаете работать!

БЕДРЮКЕР. Ничего! Вы пообедаете завтра. (Продолжает свою мысль.) Выход прост: официально вы становитесь моей рабыней, а неофициально... моей...

КАТАРИНА (не выдержав, кричит). Уходите вон, иначе я...

БЕДРЮКЕР. Что иначе?

КАТАРИНА (взяв себя в руки). Иначе... иначе я буду вынуждена задержать отправку в армию консервов, как не проверенных анализом.

БЕДРЮКЕР (испуганно). Ни в коем случае! Меня отстранят от этого доходного... высокого поста, отдадут под суд, отправят в армию! Работайте, работайте, я уйду! Мы продолжим нашу беседу после службы. (Уходит.)

КАТАРИНА (с отвращением). И эти кривляющиеся животные смеют считать себя „расой господ“! Они обрекли нас на голод, позор и рабство! Они обокрали, ограбили нашу родную Чехию, а я... Я терплю их тупые, двусмысленные шутки и работаю... работаю на них. Страх! Подлый страх! Страх за своих детей, за мою веселую, синеглазую Стефу, за моего живого и смелого Зденека заставил меня работать на этих зверей! Ради детей я отреклась от своего мужа, моего ненаглядного, гордого Ярослава, скрыла, что он арестован в Праге за участие в восстании, и своей рукой подтвердила на допросе, будто бы Ярослав погиб, помогая германским войскам оккупировать Чехию! О! Как я презираю себя! Нет сил больше терпеть! Наша судьба вызывает к мести! Что мне делать?! (Бессильно опускается на стул.) Работа на этих убийц — предательство... Да, да! Я предательница! (С глухим рыданием опускает голову. Пауза. В открытое окно влетает завернутый в бумагу камень. Катарина вскакивает.) А! Камень, брошенный в предательницу... Жаль, что он не разбил мне голову!.. (Поднимает камень, разворачивает бумагу.) Что тут написано?.. По-чешски!.. (Вздвигает, подбегает к окну, оглядывается.) Никого... (Читает

записку.) „Родное мое сердечко, Катарина!“ Это от Ярослава!.. Он жив! (Целует бумагу и с лихорадочной поспешностью читает дальше.) „Я снова на свободе, среди своих друзей. Задушив своих тюремщиков, мы бежали из лагеря, раздобыли оружие и присоединились к партизанам. Мы подняли знамя беспощадной борьбы и мести. Вся свободная Чехия — с нами, наверху, в горах... Внизу, в долине ползают только пресмыкающиеся!“ (Опустив письмо.) Святая Мария! А я? Я ведь тоже внизу, с немцами... значит и я пресмыкающаяся!.. (За сценой шаг.) Идут! (Быстро прячет письмо и принимается за работу.)

БЕДРЮКЕР (входит, подозрительно озираясь). Что случилось, госпожа Витачек?

КАТАРИНА. Ничего... Я работаю, господин Бедрюкер. А в чем дело?

БЕДРЮКЕР. Я слышал у вас какой-то стук...

КАТАРИНА. Стук? Ах, да! Я нечаянно уронила ящик с инструментами. Это пустяки, господин Бедрюкер. Все в порядке...

БЕДРЮКЕР. М-да!.. Пустяки! Дело в том, что наш охранник заметил возле окон вашей лаборатории какого-то подозрительного чеха, успевшего перепрыгнуть через забор... Охранник хотел подстрелить негодяя, но тот уже скрылся.

КАТАРИНА (взволнованно). Это наверно какой-нибудь нищий... Голодный чех, который хотел попросить у вас кусочек мяса...

БЕДРЮКЕР. Я сам не подаю нищим и другим запрещаю это делать! Наше мясо не для голодных чешских голодранцев, а для нашей голодной, то-есть великой, армии. Доннер-веттер! Я подозреваю, что этот нищий хотел украсть не кусочек мяса, а целую банку консервов! Жаль, что охранник не успел его подстрелить! Тогда бы все чехи узнали, что у нас здесь запрещено воровать.

КАТАРИНА. Мы знаем, господин Бедрюкер, что здесь воровать разрешено только немцам.

БЕДРЮКЕР. Совершенно верно... (Спохватившись.) Что вы сказали? Кому разрешено воровать?

КАТАРИНА. Простите, господин Бедрюкер, я не так выразилась. Здесь только немцам разрешено реквизировать!

БЕДРЮКЕР. Правильно! Реквизировать! Кстати, я вспомнил одну свою очень популярную в нашей армии песенку...

Я не брал,	Что за грех,
Я не крал,	Коль все у всех
А богатым стал!	Я реквизировал!

Хе-хе-хе! Я скоро буду, госпожа Витачек, конкурировать с самим господином Геббельсом! (Увидев камень на столе.) Откуда появился на столе этот камень?

КАТАРИНА (смущенно). Этот камень я... я... я... придавила им бумаги, чтобы они не разлетались от сквозняка.

БЕДРЮКЕР (недоверчиво). Придавила бумаги? Гм! Такой изящный стол, такая изящная женщина, и вдруг — такой булыжник! Где же вы его достали? (Рассматривает булыжник.) А! Понимаю...

Вы пошли на улицу предместья, выковыряли этот булыжник своими тонкими пальчиками и положили его на лабораторный стол! Мне очень не нравится, госпожа Витачек, что вы считаете меня дураком, способным верить подобным сказкам! *(Медленно подходит к Катарине и пристально глядит ей в глаза.)* Госпожа Витачек! Откуда здесь этот камень? Вы молчите? Вы краснеете? Вы дрожите?

КАТАРИНА *(нервно)*. Я сказала вам... все...

БЕДРЮКЕР. Вы ничего мне не сказали... Прекрасно!.. Я обращусь к моему другу господину Гоплеру, начальнику тайной полиции. Он моментально сумеет выяснить происхождение этого таинственного камня... *(Идет к выходу.)*

КАТАРИНА *(вскочив)*. Постойте, господин Бедрюкер! Простите меня за то, что я постеснялась говорить с вами откровенно. Мне как женщине было стыдно признаться в том, что здесь произошло!

БЕДРЮКЕР. Драма ревности?

КАТАРИНА *(торопливо)*. Мной увлекся один скромный молодой инженер, чех. Он долго и, конечно, напрасно добивался моей любви. Вчера он увидел нас у ворот завода, когда вы собирались проводить меня домой. Сегодня он проник на заводской двор, и, как только вы ушли, он, ослепленный ревностью, бросил мне в голову этот булыжник... Но к счастью промахнулся.

БЕДРЮКЕР. О, это совсем другое дело! Я понимаю его ревность! Любовь волнует кровь! Опять я нашел новую и совершенно оригинальную рифму: любовь и кровь! Знаете что, госпожа Витачек, я лучше посажу этого вашего поклонника в тюрьму.

КАТАРИНА. Нет, зачем же? Он очень несчастлив... Он так страдает от любви. Пожалейте его.

БЕДРЮКЕР. Жалость очень вредное чувство! Я тоже страдаю от любви, меня тоже надо пожалеть... А этого чеха-террориста надо арестовать. Я уверен, что он бросил в вас камень не только из ревности, но и из-за того, что вы честно работаете с нами! Скажите, как его зовут, где он живет?

КАТАРИНА. Право, не знаю. Я совершенно им не интересовалась. Даже не запомнила его фамилии. По-моему, это даже не инженер, а просто уличный ловелас.

БЕДРЮКЕР. Но я надеюсь, что вы узнаете его в лицо.

КАТАРИНА. Ах, господин Бедрюкер! Ваши расспросы замедляют мою работу и задерживают отправку консервов в армию...

БЕДРЮКЕР. Ах, да! Ухожу, ухожу. Никаких задержек, никаких задержек! Я камень в лапы отдам гестапо! Сегодня из меня стихи лезут, как из мясорубки! *(Уходит.)*

КАТАРИНА. *(Одна.)* Проклятый шут! Чуть было не поймал меня. *(Выглянув за дверь, за окно, достала письмо, читает.)* „Бедная моя страдальца, Катарина!.. Я знаю, что ты с ненавистью в душе принуждена работать с этими бандитами для спасения от голодной смерти наших малюток. Но теперь настало решительное время! Мы, свободные чехи, заключили с Советским

Союзом братский договор... рядом с бойцами Красной Армии будут сражаться и чехи. Если каждый честный чех нанесет один только булавочный укол, то немецкие ублюдки потеряют много черной крови. Письмо уничтожь... Свяжись с начальником варочного цеха. Он наш... Крепко, крепко обнимаю наших малышей. О, как мне хочется прижаться к твоей нежной щечке... А сейчас я прижимаюсь к холодному прикладу чешской винтовки, ожидая немецкие транспорты, отправляемые на Восточный фронт. До последней капли крови твой Ярослав". (*Целует письмо.*) Теперь я знаю, что мне делать. (*Быстро прячет письмо.*)

БЕДРЮКЕР (*входит*). Ну, как дела с анализом, госпожа... Что с вами, госпожа Витачек? Вы всегда такая бледная, а сейчас... щеки пылают, глаза горят! Вы сегодня особенно обворожительны! Чорт возьми, уж не появился ли здесь еще какой-нибудь новый поклонник? Я, как человек с амбицией, немедленно отправлю его в полицию! Опять рифма, достойная господина Геб...

КАТАРИНА. Достойная немецкого мясника.

БЕДРЮКЕР. Ого! Госпожа Витачек показывает зубки! Вы хотите колынуть мое самолюбие, но булавочные уколы на Бедрюкера не действуют! Ха-ха-ха! Бедрюкер к уколам привык, булавка не русский штык! Опять!

КАТАРИНА. Булавочный укол в сердце — смертелен.

БЕДРЮКЕР. Я вас не узнаю, госпожа Витачек! Тихая, скромная, работающая женщина говорит как... как чешский бунтовщик! Доннер-веттер, с вами случилось что-то подозрительное...

КАТАРИНА. Оставьте меня! Сегодня я очень зла. Контролирую качество консервов, я нашла в нескольких банках вчерашней варки клочки коровьей шерсти. (*Энергично в телефон.*) Начальника варочного цеха. Говорит Катарина Витачек. Я бракую консервы вашего цеха. В этой партии попадаются волосы. Это безобразие! Германскую армию надо хорошо кормить, иначе она будет плохо бить, как сказал один... знаменитый немецкий поэт.

БЕДРЮКЕР (*польщенно*). Пока еще не очень знаменитый!

КАТАРИНА (*в телефон*). Спуститесь на мой этаж. Я дам вам указания. Выпуск консервов придется задержать. (*Идет к выходу.*)

БЕДРЮКЕР. Что? Как задержать? Вы с ума сошли! (*Бросается за ней.*) Из-за какого-то волоска!.. Это невозможно!

КАТАРИНА. Я не имею права кормить вашу армию коровьей шерстью. (*Уходит.*)

БЕДРЮКЕР. Да чорт с ней, с этой армией! Пусть жрет, хоть коровьи шкуры! Мне мое место дороже! (*В дверь.*) Госпожа Витачек! Восточная армия так изголодалась, что будет есть даже кости... гвозди... хвостик... Пфуй! Тейфель! Опять рифмы полезли! (*Звонок телефона.*) Халло! У телефона Карл Бедрюкер... Хайль Гитлер, господин интендант главного штаба! Мы приступили к погрузке... Разве не приступили? Откуда вы знаете... то-есть, простите! Я хотел сказать, что сейчас я сам ~~всесторонне~~ проверю и доложу! (*С покло-*

ном вешает трубку.) Везде у них шпионы! Житья нет! Госпожа Витачек, командование торопит. (Убегает).

КАТАРИНА (входит с другой стороны). Теперь я знаю, что вам надо делать! (Берет большую коробку стальных игл, оставляет себе одну, остальные выносит за дверь.) Вот вам гросс стальных иголок... Работать могут одновременно сто сорок четыре человека. (Возвращается без иголок.) Один булабочный укол! (Берет консервную банку и осторожно прокалывает ее.) Ничего не заметно. (Торжествующе.) Кислород свободной Чехии проникнет через эти невидимые отверстия консервных банок, и награбленное немцами мясо превратится в падаль! Пусть голодные бандиты ждут еду, пусть паровозы тащат под выстрелами партизан миллионы жестяных банок с тухлятиной, пусть германская армия жрет эту падаль или дохнет с голода на полях сражений! (Прокалывает банки одну за другой.) За Стефу! За Зденека! За мвжа! За разбитую семью! За умирающих с голода чешских детей! За все страдания братьев-славян!

БЕДРЮКЕР (вбегает запыхавшись). Госпожа Витачек! Я хвалю вас за усердие! Но нельзя же так придираяться! Подпишите разрешение грузить! А не то меня могут отстранить и отправить на русский фронт, где меня самого наверняка превратят в консервы!

КАТАРИНА. Задержки не будет, господин Бедрюкер. Я поставила на ноги весь варочный цех. Ручаюсь головой, что ровно в десять ваши вагоны покатаются к месту назначения.

БЕДРЮКЕР. Смотрите, госпожа Витачек, не подведите меня! Я так и доложу командованию... Ах, да! Предупреждаю: ни одного гроша доплаты за сверхурочную работу!

КАТАРИНА. Само собой разумеется! Виноват варочный цех, — он этим искупит свою вину.

БЕДРЮКЕР. Гм!.. Неплохо! Скажем тремя словами: я доволен вами! Недурная рифмочка! (В телефон.) Господин интендант. Говорит Карл Бедрюкер. Ваш приказ будет выполнен. Ровно в десять превосходные консервы будут отправлены нашим солдатикам... Хайль Гитлер! (Вешает трубку.) Не будь я Карл Бедрюкер из Циппельдорфа, если не получу за это Железный крест!

КАТАРИНА (в сторону). Деревянный на могилу!

БЕДРЮКЕР. Торопитесь, госпожа Витачек, торопитесь... (Уходит.)

КАТАРИНА (подходит к окну). Ровно в десять этот негодяй отправит на фронт своим бандитам вагоны консервированной смерти. Ровно в десять покатаются эти вагоны на Восток, туда, где Красная Армия борется за наше освобождение! Булабочный укол, штыковые удары, неудержимые, как смерч, лавины танков и самолетов уничтожат проклятого врага! Чехия должна стать свободной! И станет. (Хватает иглу и прокалывает консервные банки). Станет!

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

А. БАРАНОВ и В. ЦАМ

Участвуют: старший агент гестапо
агент
женщина.

Ночь. Улица в одном из геродов оккупированной немцами Франции. Фасад здания, этажи которого уходят ввысь. Все окна затемнены, лишь из подвального окна пробивается узкая полоска света. На улице двое: старший агент гестапо и агент.

СТАРШИЙ. Помните, Бишель, это трудный участок. Не было ночи, чтобы здесь на стенах, на заборах, на панелях, чорт возьми, не появлялись омерзительные надписи. Страшно повторить, но вы должны знать, они пишут: „Долой фашистов!“, „Да здравствует свободная Франция!“ и даже... *(оглянувшись по сторонам)* „Смерть гитлеровцам!“

АГЕНТ. Ужас, ужас! *(Из-за угла показалась женщина. Она, прячась, прислушивается к разговору.)*

СТАРШИЙ. Для того, чтобы этого ужаса не было, вы и поставлены здесь. Ваша обязанность следить, следить и еще раз следить! Всякого подозрительного задерживать. Того, кто попадет за этим гнусным делом, расстреливать на месте! Понятно?

АГЕНТ. Слушаюсь!

СТАРШИЙ. Итак, если ночь пройдет спокойно, вы получите награду. Если появится хоть одна надпись, вы слетите с должности. Хайль Гитлер!

АГЕНТ *(уныло)*. Хайль!.. Хайль!.. *(Старший агент уходит.)* Удовольствие ходить здесь всю ночь и следить за тем, чтобы какой-нибудь мерзавец не начеркал на стенах непозволительных вещей! Собачья должность! Только и звание, что агент гестапо, а привилегий никаких! Тьфу! *(На улице появляется женщина.)* Эге, это еще что за красотка? Вы что так тяжело вздыхаете, мадам?

ЖЕНЩИНА. Ах, мне так тяжело!

АГЕНТ. Вы чем-нибудь недовольны?

ЖЕНЩИНА. О, да.

АГЕНТ. Вот как! Чем же?

ЖЕНЩИНА. Мужем.

АГЕНТ. Ну, это не беда! У нас в Германии сейчас организованы специальные брачные пункты, там немки могут найти любого мужа.

ЖЕНЩИНА. Так вы немец?!
АГЕНТ. Н-нет...

ЖЕНЩИНА. Но вы сказали: у нас в Германии?

АГЕНТ. Разве? Это... оговорка. *(Пауза.)* Здесь, кажется, очень не любят немцев?

ЖЕНЩИНА. Наоборот.

АГЕНТ. То-есть?

ЖЕНЩИНА. Французы готовы задушить немцев...

АГЕНТ. Что?

ЖЕНЩИНА. В своих объятьях. Вы замечали, как только вы, то-есть не вы, а какой-нибудь немец входит в кафе, вся публика встает и уходит, даже прислуга снимает фартук и тоже уходит...

АГЕНТ. Замечал. А что?

ЖЕНЩИНА. Это исключительно из почтительности.

АГЕНТ. Странно. *(Вынимает хлеб и колбасу, ест.)*

ЖЕНЩИНА. *(Вздыхает.)*

АГЕНТ. Опять вздох?

ЖЕНЩИНА. Я голодна.

АГЕНТ. Кто хочет есть, мадам, тот должен сначала заслужить еду... *(Подвигается к ней.)*

ЖЕНЩИНА *(отстраняясь)*. Что вы...

АГЕНТ. Впрочем, фюрер говорит, что каждый порядочный француз должен думать не о сытости своего желудка, а о сытости духа.

ЖЕНЩИНА. Конечно, но кушать это тоже очень приятно.

АГЕНТ. Нет, чорт возьми! Вы определенно из недовольных! Хайль Гитлер!

ЖЕНЩИНА *(уныло)*. Хайль, хайль.

АГЕНТ. С какой кислой физиономией вы приветствуете вождя! Я вынужден вас задержать и доставить...

ЖЕНЩИНА. Нет, нет! Да здравствует Германия! Хайль Гитлер! Хайль, хайль, хайль!

АГЕНТ. Довольно, довольно!

ЖЕНЩИНА. Хайль, хайль, хайль!

АГЕНТ. Остановитесь! Вы меня оглушили! Я верю вам! Вы любите Германию и великого фюрера. А я чуть не причислил вас к тем проходивцам, за которыми я слежу. Вы понимаете, каждую ночь здесь появляются надписи...

ЖЕНЩИНА. Знаю, знаю! „Долой фашизм!“, „К чорту убийцу Гитлера!“

АГЕНТ *(зажимая ей рот рукой)*. Ты что? Пошли, и немедленно, в гестапо! Ты арестована!

ЖЕНЩИНА. Простите, простите, умоляю вас. Вы такой чудесный, вы мне так нравитесь. Я просто хотела сказать, что видела эти надписи. Болтая с вами, я забыла о своем горе. Вы сумели внушить к себе большую симпатию. Я поделюсь с вами.

АГЕНТ *(самодовольно)*. Я всегда женщинам нравлюсь... А насчет прощения поговори с гестапо... Если, конечно, не договоримся о... веселой ночи. Ну, что ты еще хотела сказать?

ЖЕНЩИНА. Мой бедный муж сегодня сказал мне: „Мадлен, если ты и сегодня не достанешь мяса, лучше не возвращайся домой“. Я собрала свои гроши и пошла, но ничего, ничего не...

достала. Когда вернулась домой, муж еще не приходил. И вдруг мне в голову пришла блестящая мысль!

АГЕНТ. Ну, ну?

ЖЕНЩИНА. На подоконнике лежал любимец моего мужа черный Пуф. Это наш кот. Замечательная bestия! Вы знаете, он промышлял всевозможными путями и даже при новом порядке ухитрялся сохранить упитанность. Одна минута — и бедный Пуф, разрезанный на мелкие кусочки, закипел в кастрюле. А шкурку? Шкурку я повесила сушить перед печкой. Пришел муж. Он сразу услышал запах мяса. Он назвал меня своим цыпленочком и с аппетитом принялся за рагу. И вдруг меня охватил приступ смеха. Это было что-то непреодолимое.

АГЕНТ. Да, это бывает.

ЖЕНЩИНА. Он так любил и берег Пуфа и вдруг сидит и обсасывает его косточки. Меня словно дьявол толкнул в бок: „Знаешь ли ты, что ешь? Это рагу из Пуфа“. Он сначала не поверил, но я показала ему шкурку... Ай, что тут было! В меня полетели кастрюли, ложки, и, наконец, я сама очутилась на улице. Месье, мне совестно просить вас...

АГЕНТ. Пожалуй, можешь просить. Я знаю... Я тебя утешу...

ЖЕНЩИНА. Я попрошу вас заглянуть вот в это окно вниз. Если мой муж лег спать, я могу войти в дом и... пригласить вас после дежурства... когда он уйдет.

АГЕНТ. Вот это дело! *(Наклоняется к окну в подвале. Женщина склонилась над его плечами.)* *(Выпрямляясь.)* Он спит, как сурок.

ЖЕНЩИНА. Благодарю вас. Прощайте! *(Хочет идти.)*

АГЕНТ. Не прощайте, а до свиданья.

ЖЕНЩИНА. Да, да, конечно! *(Смеется и убегает.)*

(Входит старший агент.)

СТАРШИЙ. Бишель!

АГЕНТ. Есть! Осмелюсь доложить: ночь прошла спокойно. Ни одной надписи нигде не появилось.

СТАРШИЙ. Прекрасно. Я поговорю, чтобы вас отметили в приказе. Я доволен вами. Идите.

АГЕНТ. Рад стараться, герр Грац!.. *(Поворачивается по-военному кругом и важно марширует к выходу. На спине у него плакат с надписью „Смерть фашистам!“)*

СТАРШИЙ. Стой! Стой, я говорю!

АГЕНТ. *(Застыл на месте.)*

СТАРШИЙ. Дурак! Скотина! Свинья! *(Срывает плакат и сует в нос агенту.)* Это что?! Это что, я спрашиваю?! В концлагерь, болван! Под расстрел!

(Занавес.)

РАЗВЕДЧИК

А. ВАЛЕВСКИЙ

Участвуют: Мишка, красный разведчик.

Борис, сын старосты.

(Мальчики 12—13 лет).

На сцене темно. Входит Борис, держа свечу в руках.

БОРИС. Кто здесь?

(Пауза.)

(Поворачивает выключатель и оглядывается. Прямо против него, прижавшись к стене, стоит босоногий мальчик в коротких, равных штанах и домотканной деревенской рубашке. У него в руках револьвер. Взгляд мальчика настрожен и решителен.)

БОРИС (отшатнулся). Ой! Кто это?!

МИШКА. Тсс!.. не ори... Если ты крикнешь, — я буду стрелять.

Здесь шесть патронов, понятно?

БОРИС. Кто ты такой? Как сюда попал?

МИШКА. Обыкновенно, как все люди... через окно.

БОРИС. Зачем? Это что, такая игра? У тебя пугач? Ты чей—соседский?

МИШКА. Помалкивай, парень... Я буду спрашивать, потому что мне некогда... Это не пугач, а самый настоящий шестизарядный Смитс-Вессон среднего калибра. Так что шутки плохи... Не вздумай кричать папу и маму. Ты кто? Сын старосты, да?

БОРИС (растерянно). Сы...

МИШКА. Ну, садись, сын, и молчи. Как тебя зовут?

БОРИС. Борис.

МИШКА. Где твой отец, Борис?

БОРИС. Уехал...

МИШКА. А не врешь?

БОРИС. Уехал, честное слово!

МИШКА. Куда?

БОРИС. Не знаю...

МИШКА. А мать?

БОРИС. Спит.

МИШКА. Где?

БОРИС. Там... наверху...

МИШКА. Кто еще есть в доме?

БОРИС. Немцы.

МИШКА. Что делают?

БОРИС. Храпят...

МИШКА. А караул?

БОРИС. Какой караул?

МИШКА. Известно какой, солдатский. Где караул?

БОРИС. Зачем тебе?

МИШКА. Да говори, что ты маленький, язык вместе с конфетами съел. Где караул?

БОРИС. Тебе-то какое дело? Что ты меня допрашиваешь?!

МИШКА. Всажу тебе сейчас пулю, узнаешь, какое дело. Говори, раз спрашиваю по-мирному.

БОРИС. Убирайся отсюда... Нашел время играть, по ночам шляется... всех разбудишь... Я тебя не знаю!

МИШКА. Сейчас узнаешь... Я разведчик Красной Армии, понятно? Выполняю приказ командира партизанского отряда — проникнуть в город, занятый фашистами, разведать все, достать документы, понятно? В этой комнате штаб? Ящики стола заперты или нет? *(Шарит рукой по столу, разлядывает бумаги.)* Не по-русски написано... ладно, там все разберут.

БОРИС. *(Наблюдая за Мишкой, подвигается к двери.)*

МИШКА *(заметив)*. Стоп! Ты куда? Садись, где посадили...

БОРИС *(садится)*. А, если... я стану кричать?

МИШКА. Убью тебя наповал, а другие пять патронов выпущу из тех, кто придет тебе на помощь, понятно? Садись лучше и молчи, как на именинах.

БОРИС. Разведчик... Какой же ты разведчик! Одет, как нищий сиводырь...

МИШКА. А что же, по-твоему, сюда со шпорами да с красной звездой приходит, дурень какой... Чтоб сдапали? Знаем ваших! По головке не погладят!.. Вот и нарядился по-нарочному... *(Роется в ящиках.)*

БОРИС. Там ничего нет...

МИШКА. А где есть? Ты, наверное, суешь нос в дела? Ну, где бумаги?

БОРИС. Убери револьвер... Вон, в железном ящике...

МИШКА. А ты послушный мальчик... Не дрожи...

БОРИС. Я не дрожу...

МИШКА. Весь ящик с собой возьмем...

БОРИС. Так ты, верно, красный разведчик?

МИШКА. Видишь, кажется, собственными глазами, не во сне снится...

БОРИС. Я пойду с тобой...

МИШКА. Ясно! Ведь если тебя здесь оставить, ты такую тревогу забьешь, что и десяти шагов от дому не отойти — схватят... Нет, уж ты, брат, проводишь меня до окраины... Да и ящик вот этот понесешь!

БОРИС. Я совсем с тобой уйду.

МИШКА. Как это, совсем?

БОРИС. Совсем... к красным уйду... Не могу я здесь больше жить. Бьют меня... Вон синяки кругом...

МИШКА. Не ври...

БОРИС. Замучили совсем...

МИШКА. А что ж отец, заступиться не может?

БОРИС. Не отец он мне...

МИШКА. Ну, да? А мать?

БОРИС. Она не мать, а мачеха... Злая, как ведьма... Ненавидит меня... Царапается... волосы рвет... Вчера мне нарочно руку кипятком обварила...

МИШКА. Бреешь ты...

БОРИС. Ей-богу... *(Плачет.)* А у тебя там, верно, хорошо?

МИШКА. Ясно, хорошо!

БОРИС. Возьми меня с собой — я тебе помощником буду... мне здесь жизни никакой нет... я сегодня ночью бежать хотел...

МИШКА. Ладно... Собирайся, по дороге поговорим...

БОРИС. *(Садится, закрыв лицо руками, дрожит.)*

МИШКА. Да не дрожи ты... холодно тебе, что ли?

БОРИС. Не знаю...

МИШКА. Как же ты в такую переделку попал, что дом у тебя, как каторга. С чего бы это?

БОРИС. Отец мой... настоящий отец... он большевик, красным полком командует...

МИШКА. А этот, староста?

БОРИС. Он двоюродный брат ему... Отец ушел с партизанами, а город взяли... Я с бабкой оставался... Бабка умерла... Вот меня дядька и взял... Папу моего ненавидит и все на мне вымещает... Большевистское отродье, говорят, красный змееныш...

МИШКА. Иди ты...

БОРИС. И бьют... Каждый день бьют, ни за что!..

МИШКА. Вот так штуки... Значит, ты бежать хотел?..

БОРИС. Что ж мне здесь погибать?

МИШКА. Это ясно... Вот паразиты! А где твой батька?

БОРИС. Папа командует партизанами. Я слышал — они тут все о нем говорят... Будто он здесь, на фронте, близко...

МИШКА. Фамилия-то как?

БОРИС. Панферов...

МИШКА. Панферов? Да брось ты! Панферов? Да это ж командир всего сводного партизанского отряда.

БОРИС. *(обрадованно)*. Ну, да?.. Ты его знаешь?

МИШКА. Еще бы!.. Сколько раз видал... Ох и командир, я тебе доложу... Да неужели ты его сынишка? Вот, ведь, петрушка какая? Ну, тогда надо тебя отсюда выволить поскорей...

БОРИС. Правда, возьмешь?

МИШКА. А как же иначе... Что ж я сына своего командира на растерзание оставляю? Шалишь, брат... Собирайся поживей.

БОРИС. Сейчас, я живо... Продукты брать?

МИШКА. Бери, пригодятся... только живей...

БОРИС. Сейчас я сапоги надену... *(Кладет на стол булку, конфеты, яблоки.)* Ешь... ты наверное проголодался. Как тебя зовут?

МИШКА. Мишка.

БОРИС. Ешь, Миша... Я сейчас... *(Засуетился.)*

МИШКА *(берет кусок булки и яблоко)*. Я ужинал последний раз позавчера утром...

БОРИС. А вон там... в нижнем ящике стола... под доской... есть резиновый мешочек... в нем карты и планы...

МИШКА. Ну, да? Вот за это спасибо... *(Направляется с куском хлеба и яблоком в руке к столу, забыв револьвер. Борис следит за ним и, когда Мишка наклоняется над столом, хватается оружие. Мишка испуганно оглядывается и делает движение к столу, на котором он забыл револьвер.)* Ты что?

БОРИС. Руки вверх!

МИШКА. Не балуй... Револьвер без предохранителя и курок самовзводный...

БОРИС. Руки вверх, красный разведчик... Попался! Не шевелись, стрелять буду... Ты мне поверил... Я тебе нарочно наврал. Простофиля! Никакого Панферова я не знаю... Слышал от отца, что есть такой партизан, которого скоро поймают и повесят. Вот, сейчас я тебя караулу отдам, так ты расскажешь, где этот Панферов находится... Все расскажешь... Что глазища вылупил?..

МИШКА. Смотрю я на тебя... Ну и подлая же ты личность...

БОРИС. Поговори еще...

МИШКА. Ну, стреляй, враг рабочих... стреляй.

БОРИС. Шагай к двери... Да рук не опускай и не вздумай бежать, а то засажу тебе пулю в затылок...

МИШКА. Засажу... Да там и патронов-то нет... Дурья голова... Ты посмотри сначала...

БОРИС. *(На секунду поворачивает к себе револьвер, чтобы заглянуть в барабан. Мишка прыгает к нему. Борис нажимает спуск, но он не поддается. Мишка выбивает у него из рук револьвер, валит Бориса на пол, зажимая ему рот рукой. Потом, сев на него верхом, скручивает руки, связывает их шнурком от рубахи, засовывает в рот подвернувшийся под руки носок Бориса.)*

МИШКА. Видал, как работают красные разведчики? Эх, ты, с оружием-то обращаться не умеешь, шляпа! Револьвер на предохранителе, а он „п“... „пу“... *(Быстро забирает оставшиеся бумаги, пихает их за пазуху.)* Передай привет папе и маме! Скажи, что скоро выгоним их из всех городов Советской республики... *(Лезет на окно.)* Извините, что я так некультурно... через окно... Честь имею кланяться!.. *(Скрывается.)*

(Занавес.)

ДЕВУШКА С ХАРАКТЕРОМ

В. АРДОВ

Участвуют: *Марина Власова*
дежурная сестра
врач.

Приемная комната в Институте переливания крови. Дверь к выходу, дверь во внутреннее помещение, стол дежурной сестры за барьером. На столе телефон. По ту сторону барьера — будка телефона-автомата. Висят лозунги: „Донор! Помни, что, давая свою кровь, ты спасаешь жизнь бойца“, „Почти каждый может быть донором без ущерба для своего здоровья“.

Большой плакат над столиком дежурной сестры: „Прием доноров“.
Дежурная сестра перебирает карточки и личные дела доноров. Входит Марина и некоторое время мнется.

СЕСТРА. Вам что, гражданочка?

МАРИНА. Скажите, пожалуйста, это здесь надо давать свою кровь... ну, вообще для переливания?

СЕСТРА. Здесь.

МАРИНА (*смущенно*). Пожалуйста, возьмите у меня. Только побольше возьмите.

СЕСТРА. А вам сколько лет, гражданочка?

МАРИНА. Мне шестна... то-есть семнадцать с половиной... даже три четверти, честное слово.

СЕСТРА. Мы берем кровь только у граждан старше восемнадцати лет.

МАРИНА. А мне как раз и будет восемнадцать послезавтра.
Честное слово.

СЕСТРА. Что-то не верится. Паспорт у вас есть?

МАРИНА. Ну, конечно. Уже три года, как у меня свой паспорт... Вот... (*Показывает паспорт, держа его в руке.*)

СЕСТРА. Примите палец, я не вижу год рождения.

МАРИНА. Что вы говорите?.. Извините...

СЕСТРА. Год рождения 1925-й. Значит, вам не восемнадцать, а шестнадцать.

МАРИНА. Во-первых, я родилась в январе, а потом это не 25-й год, а 23-й. Написано очень неразборчиво.

СЕСТРА. Паспорта неразборчиво не пишут.

МАРИНА. Неужели вы у меня не возьмете кровь?

СЕСТРА. К сожалению, не могу.

МАРИНА. Ну, пожалуйста, ну, я вас прошу. Для меня это ни капельки не вредно. Вы знаете, я такая крепкая, здоровая. Я сейчас, например, песку натаскала одна на весь наш подъезд. Когда наши жильцы пошли за песком, оказывается, я уж все принесла.

СЕСТРА. Молодец!

МАРИНА. Вот видите. И потом траншею я рыла так, что даже все мальчишки у нас на дворе завидовали.

СЕСТРА. Ступай, деточка. Пока твоя кровь нам не нужна.

МАРИНА. Ну, вот опять ничего не вышло. Чем же я виновата, что я поздно родилась? Хотела добровольцем в сестры — не берут. В дружину первой помощи не взяли, а теперь вот и у вас... Почему я такая молодая?

СЕСТРА. Ну, этот недостаток со временем проходит.

МАРИНА. Если бы вы знали, какая у нас семья. Мой брат Василий — лейтенант, танкист. Из-за него одного мне хочется дать свою кровь. И дядя Николай на фронте. Даже мама работает на военном предприятии.

СЕСТРА. Вот как!

МАРИНА. Нет, я не скажу, на каком. Вот я знаю: нельзя. Тетенька, может быть, вы возьмете у меня кровь?

СЕСТРА. Нет, детка, ступай.

МАРИНА. Наверное?

СЕСТРА. Наверное.

МАРИНА. Ну, до свидания. Позвонить от вас можно по телефону?

СЕСТРА. А вот автомат.

МАРИНА. Спасибо. *(Входит в будку и, не закрывая дверь, набирает номер.)* Попросите, пожалуйста, Клаву. Клава? Я. Можешь не одеваться, ничего не вышло. Говорят, что раньше восемнадцати лет... ну, в общем ты знаешь, что они говорят. Кто? Я оделась? Ничего подобного. А вот так. Что-нибудь придумаю.

(В это время из-за кулис выходит врач. Он подходит к столу дежурной сестры.)

ВРАЧ. Донор номер 738 — личное дело у вас?

СЕСТРА. Кажется, у меня. *(Проглядывает папки.)* Нет, здесь нету.

ВРАЧ. Ну, так принесите.

СЕСТРА. Сейчас. *(Уходит.)*

(Врач проглядывает карточки на столе.)

МАРИНА *(по телефону)*. Ну, до свидания, Клава. Я кое-что придумала. Потом скажу. До свидания, мне некогда. *(Вешает трубку, воровато оглядывается, закрывает дверь в кабину, затем снова набирает номер. Раздается телефонный звонок.)*

ВРАЧ *(поднимает трубку)*. Слушаю. Институт переливания крови. Кого? Дежурную сестру? Сейчас придет. *(За кулисы.)* Анна Сергеевна, вас к телефону!

ГОЛОС ДЕЖУРНОЙ СЕСТРЫ. Иду! *(Сестра входит.)* Вот дело 738.

ВРАЧ. Ага! *(Берет папку, уходит.)*

СЕСТРА *(берет трубку)*. Я слушаю. Откуда? Из Наркомздрава? Слушаю. Телефонограмма? Минуточку, я возьму карандаш. Я слушаю вас. *(Медленно повторяет, записывая.)* Управление Нарком-

здрави предлагает вам включить в число доноров... гражданку... Власову... Как? Маслову?

(Пока сестра переспрашивает, дверь в кабину открывается, и теперь слышно, как Марина громко кричит в трубку.)

МАРИНА. Да не Маслову!

СЕСТРА. Класову?

МАРИНА. Какую еще Класову?! (Сестра недоуменно ози-
рается.) Я вам сказала: Власову, Марину Николаевну.

СЕСТРА. Хорошо. Это что — обязательно надо сделать?

МАРИНА. Ну, конечно, обязательно.

СЕСТРА. А если мы этого не сделаем, товарищ из Нарком-
здрава, тогда что будет?

МАРИНА. Тогда вам будет плохо.

СЕСТРА. А может, это вам будет плохо?

МАРИНА. Кому это нам? (Сестра положила трубку и под-
ходит к кабине.) Алло! Я спрашиваю: кому это будет плохо? Что
за шутки?!

СЕСТРА. И мне интересно: что это за шутки?!

МАРИНА (уронила трубку). Ох!..

СЕСТРА. А ну, выходи! (Марина выходит.) Повесь трубку на
место! (Марина слушается.) И сейчас же ступай домой! (Марина
стоит на месте.) Тебя бы надо в милицию отправить! Ты уж не
такая маленькая.

МАРИНА. А если не маленькая, почему же вы не берете кровь?

СЕСТРА. Это не девка, это козел какой-то! Уперлась рогами
и стоит. Сейчас же иди домой, слышишь? (Марина молча уходит.)

ВРАЧ (входит). Что тут у вас?

СЕСТРА. Упорная девчонка! Пришла, понимаете, сюда граж-
данка шестнадцати лет от роду и требует, чтобы взяли у нее
кровь.

ВРАЧ. Отказать надо сразу.

СЕСТРА. Так и было. Она сперва долго просила, а потом
позвонила по телефону вот отсюда и сказала, что говорят из Нар-
комздрава.

ВРАЧ. Значит, это я с ней разговаривал?

СЕСТРА. Конечно. И такая глупая: дверь кабины открылась,
и я слышу, как она говорит и в трубку и из кабины. (Оба смеются.)

ВРАЧ. А знаете, мне нравится, что у нас есть такие подростки.
В этом лишний раз сказывается воля к победе нашего народа. Те-
перь, дорогая Анна Сергеевна, вызовите мне для повторного анализа
семьсот тридцать восьмого и потом по этому списку еще пять чело-
век.

СЕСТРА. Я сейчас выпишу повестки.

ВРАЧ. Если у кого из доноров есть телефон, звоните лучше
по телефону. Мы должны иметь столько крови, чтобы не отказы-
вать ни одному госпиталю, ни одной больнице.

СЕСТРА. Хорошо.

(Врач уходит. Сестра роется в картотеке и выписывает повестки. Входит чрезвычайно кокетливая особа. У нее прическа с локонами на затылке, с какими-то вензелями, берет где-то приплюснут, где-то вздыблен, брови нарисованы очень высоко, губы ярко накрашены, ногти также, юбка короткая, на туфлях бантики, на блузке бантики и прочее. Она подходит манерной походкой, двигая плечами и бедрами, к дежурной сестре.)

КОКЕТКА. Скажите, пожалуйста... Я слышала, что тут можно получить деньги, если дать вам кровь... Вы немного берете, правда?

СЕСТРА. Берем от двухсот до четырехсот граммов.

КОКЕТКА. Почему за кило? Говорят, что это совсем не больно, да?

СЕСТРА. Да, это не очень больно.

КОКЕТКА. Ну, что ж, в таком случае я согласна. Берите.

СЕСТРА. Да, но сперва мы должны сделать анализы.

КОКЕТКА. Давайте делать анализы.

СЕСТРА. Паспорт у вас есть?

КОКЕТКА. Вообще, конечно, есть, но с собою я не взяла. Вообще зачем женщине паспорт? Он только выдает ее годы.

СЕСТРА. Я уж не знаю, как это без паспорта. Поговорите с врачом. (Зовет.) Дмитрий Павлович, можно вас на минутку?

ВРАЧ (показывается). Да?

СЕСТРА. Вот гражданка хочет дать кровь, но паспорта у нее с собою нет.

ВРАЧ. Ну, что ж, запишите на предварительные анализы, а следующий раз товарищ принесет паспорт.

СЕСТРА. Хорошо. Давайте заполним анкету. Как ваша фамилия?

КОКЕТКА. Вла... то-есть Шипова.

СЕСТРА. Имя, отчество?

КОКЕТКА. Мария Анатольевна. А ваше?

СЕСТРА. Сколько вам лет?

КОКЕТКА (вздыхнув). Уже тридцать два. Подходит?

СЕСТРА. Отвечайте на вопросы. Чем вы занимаетесь?

КОКЕТКА. Принципиальная иждивенка.

СЕСТРА. Распишитесь вот здесь.

(Кокетка встает, берется за ручку.)

ВРАЧ. Гражданка, вы что-то уронили.

КОКЕТКА. Ах!

СЕСТРА (подняла). Позвольте, это паспорт. Ваш паспорт? Читает.) Власова Марина Николаевна. Год рождения 25-й. (Пауза. Марина закрыла лицо руками). Это опять ты? (Пауза.) Я тебя спрашиваю!

МАРИНА (всхлипывая). Я... (Отнимает руки от лица. Нарисованные брови исчезли, исчезла помада с губ, исчезли локоны.)

СЕСТРА (берет Марину за руку). Вы поглядите, что она сделала со своим лицом и ногтями!

(Марина судорожно вытирает ногти об юбку; губная помада, которую были намазаны ногти, стирается, и ногти делаются нормальными, затем девушка опускает юбку, которая была поднята на резинке, снимает банты с туфель, словом, приобретает прежний вид.)

СЕСТРА. Что же с ней теперь делать? Милицию что и звать?
ВРАЧ. Тебе очень хочется дать кровь?

МАРИНА. А вы че видите? Когда все кругом взрослые, все могут помогать бить фашистов, а меня уговорились считать ребенком. А какой я ребенок? Я у нас во дворе траншею одна вырыла и песок таскала. Хотите я вас сейчас, доктор, подниму и отнесу на второй этаж, где анализы делают? *(Надвигается на врача.)*

ВРАЧ. Нет, ради бога, не надо!

СЕСТРА. Знаешь уже, где анализы делают?

МАРИНА. Я все знаю. Я большая. Это только вы меня считаете за маленькую. Неужели меня убудет, если я отдам немного крови кому-нибудь из бойцов? Ведь они за нас жизнь отдают, кровь проливают, не считая на граммы! Как же я могу их отблагодарить за это? Ну, как, скажите мне! *(Телефонный звонок.)*

СЕСТРА *(берет трубку).* Слушаю. Откуда? Из Наркомздрава? *(Смотрит в кабину.)*

МАРИНА. Нет, это на самом деле из Наркомздрава. Я тут не при чем.

СЕСТРА. Доктора Спасского? Сейчас... *(Передает врачу трубку.)*

ВРАЧ. Да. Хорошо. Так оно и будет. У нас есть некоторые запасы крови, и мы оповестим всех наших доноров об этом. Хорошо. *(Кладет трубку.)* Анна Сергеевна, давайте установим, сколько доноров мы можем вызвать на сегодня и на завтра.

СЕСТРА. У меня сведения готовы.

МАРИНА. А у меня-то вы возьмете кровь?

ВРАЧ *(смотрит на Марину, потом на сестру).* Как, по-вашему, Анна Сергеевна?

СЕСТРА. По-моему, она заслужила либо того, чтобы ее отправить в милицию, либо того, чтобы взять у нее кровь.

ВРАЧ. Я лично за то, чтобы взять кровь.

МАРИНА. И я, и я!

ВРАЧ. Тогда, девочка, пойди, тебе сделают анализы, и потом съешь завтрак, который полагается перед тем, как отдать кровь.

МАРИНА. Никакого завтрака мне не нужно. Я сыта, честное слово. И потом я такая толстая, мне даже совестно.

ВРАЧ. Если не будешь завтракать, крови не возьму.

МАРИНА. Уже согласна. Давайте ваш завтрак. Что хотите, даже рыбий жир! *(Стремится за барьер.)*

СЕСТРА. Подожди, надо заполнить анкету. Быть донором — серьезное дело. Фамилия?

МАРИНА. Власова.

СЕСТРА. Имя, отчество?

МАРИНА. Марина Николаевна.

СЕСТРА. Год рождения?

МАРИНА. 1925-й.

РАССКАЗЫ

НЕНАВИСТЬ

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

Мы по натуре добры. Мы чересчур добры. Нас учили ценить и уважать человека. И сначала нам трудно было усвоить, что могут быть люди — десятки и сотни тысяч людей, в которых от человеческого осталась только внешняя форма.

Помню первые дни войны и первых немецких пленных. Папирсы, которыми их угощали наши красноармейцы, сало и хлеб, которые им охотно давали. Для наших бойцов противник, не имеющий в руках оружия, переставал быть врагом.

Под Тарнополем молодой советский летчик с чувством большого удивления рассказал нам непонятную для нас историю. Был сбит немецкий самолет. Летчик приземлился недалеко от нашего аэродрома, в расположении наших частей. Наш летчик подошел к нему спокойно, с добродушной улыбкой. Победенный противник уже не был для него врагом. А немец выждал, пока летчик подошел к нему на расстояние двух шагов, и тогда торопливо выхватил револьвер и выстрелил. Беспомощно поникла рука советского летчика.

Каждый день войны учит нас: нельзя быть добрым, нельзя быть добродушным. Нужно ненавидеть!

Это — не обычная война, каких были десятки, когда стояли одна против другой две армии, сражаясь между собой, уважая освященные обычаями законы, не допуская ненужной жестокости, уважая раненых, пленных и убитых врагов. Теперь мы видим перед собой орды озверелых, выродившихся, жаждущих крови варваров, у которых не осталось ничего человеческого.

Мало выгнать их с нашей земли! Мало отогнать их на запад, ибо они снова могут собраться, укрепнуть и снова принести миру несчастья и гибель.

Уничтожить их до последнего! Они должны ответить, должны заплатить за все!

Существует ли цена, которой можно было бы смыть кровь, оросившую нашу землю, осушить слезы, пролитые сотнями тысяч глаз, вернуть все, что уничтожено, разрушено, сравнено с землей?

По улицам одного из городов прифронтовой полосы вели группу немецких пленных. Они шли угрюмо, с опущенными головами. В летних мундирах — обтрепанные, завшивевшие, со страшными, обмороженными лицами. К ним присматривались толпы людей. Какая-то старушка с жалостью покивала головой.

— Вот какие они... Чем они виноваты? Дать бы нам сюда Гитлера, ему бы мы отплатили...

И люди сразу же запротестовали: „Нет, они тоже виноваты“. Каждый из них виновен. Сегодня они идут с опущенной головой, ободранные, покрытые нарывами, похожие больше на бездомных бро-

дяд, нежели на солдат. А ведь недавно они ступали по нашей земле, зазнавшиеся, уверенные в силе, с глазами, полными высокомерия. И если бы им сегодня снова вдруг повезло, они опять качали бы топтать солдатским сапогом беспомощных детей и стариков.

Нет! Нельзя питать к ним никаких других чувств, кроме ненависти.

Те, кто возвращается в освобожденные Красной Армией города и села, понимают это. Красноармейцы, увидевшие разрушенные улицы, голые скелеты зданий, тела советских граждан, качающиеся на виселицах, уйму замученных пленных, искромсанных раненых, с налитыми кровью глазами бросаются в бой. Пламя ненависти окрыляет их, ведет вперед.

Это пламя ненависти должно охватить все сердца. Свята ненависть, рождающаяся из любви к земле, затоптанной сапогами оккупантов, из любви к человеку, обездоленному, истерзанному руками разбойников, из любви ко всему, что в течение ряда лет создавалось, строилось, возносилось ввысь.

Посмотри на дороги, по которым прошел немец! Посмотри на то, что было, и на то, что захватчики оставляют, уходя! Чернеют развалины улиц Калинина, Волоколамска, Ефремова. Ветер раздувает пожарища домов, где жили и работали люди. Глухая тишина там, где стучали машины на наших фабриках. Безмолвны гребли и плотины, регулировавшие потоки воды на турбины и колеса. Никакой ураган, никакое наводнение, никакой пожар не могут уничтожить так, как уничтожают немцы.

Трупы качаются на виселицах. Множество трупов под развалинами домов. Убитые дети, замученные женщины под заборами. Под стенами домов изуродованные тела красноармейцев. Это пленные и раненые, умирающие в муках.

Отдыхают освобожденные города и села. Перед нами еще длинный путь. Еще скрипят виселицы в Харькове, Киеве, Смоленске. Еще гибнут тысячами наши пленные, заморенные голодом, избитые, загнанные в лагеря, похожие на огромный морг. Еще умирают наши раненые, которым немецкий штык выкалывает глаза, немецкий тесак вырезает на теле кровавые пятиугольные звезды. Еще горят избы. На сотнях дорог немецкий кнут гонит на запад тысячи наших граждан.

Дрожит от холода завшивевший и покрытый нарывами немец, поднимающий руки, чтобы сдать в плен. У него стучат зубы от холода и страха. Зайкаясь, он молит о пощаде.

Но спроси, сколько наших пленных замучил покорный сегодня варвар? Спроси, сколько наших раненых добил он, заливаясь диким смехом? Спроси, сколько женщин изнасиловал он, сколько детей заколол своим штыком? Сколько домов поджог? Сколько петель затянул на шеях крестьян и рабочих в занятых немецкой армией районах? Посмотри ему в трусливые глаза — что сделал бы он с тобой, если бы он оказался победителем!

Нет! Не только Гитлер! Каждый из них виновен. Руки немецких солдат обгарены кровью наших раненых, замученных на Украине, в Белоруссии, под Москвой и Ленинградом. Немецкие руки черны от копоти пожаров, пылавших на Украине и в Белоруссии, под Москвой и Ленинградом. Немецкие руки носят на себе следы крови от пыток, совершенных над женщинами, детьми и стариками. Не щадили они ничего и никого. Уничтожали наши дома, сады, заводы, музеи, библиотеки, убивали мужчин, женщин, детей. Виновен каждый из них.

Когда пойдешь в атаку, красноармеец, и забелеет перед тобой побледневшее с перепугу лицо немца, помни! Это он бросал бомбы на дома Москвы! Это он вешал девушек в Харькове! Это он устраивал погромы в Киеве! Это он превратил в пепел и пожарище цветущую украинскую землю. Это он выкалывал штыком глаза нашим раненым и издевался над пленными.

Когда завидишь серо-зеленый мундир, красноармеец, помни! Это он сорвал крышу с твоей избы, сжег станок, на котором ты работал. Это он превратил в развалины, в пепелище твой родной город.

Это не Ганс, Фриц, Франц, против которого направляешь ты винтовку. Это — одна из тысяч голов фашистской гидры, это одно из колесиков, давящей машины, ворвавшейся на нашу землю.

Не ищи в нем человека — не найдешь! Будь беспощаден — перед тобой обгаренный кровью убийца, величайший преступник всех времен! Будь беспощаден — перед тобой обезумевший дикий зверь, которого необходимо уничтожить!

Настанет время, когда снова заколосится золотистая пшеница на украинских полях и разнесутся белорусские песни над серебряными от росы полями, и зашумят машины харьковских заводов, и ударит Днепр высокой волной в стены гребли и плотины.

Тогда можно будет забыть о ненависти, но сегодня — ни на минуту! Ненавидеть каждой мыслью, каждым чувством, каждым ударом сердца. В огне ненависти да сгорит, да превратится в пепел вражья сила! Выжечь след немецкой стопы с наших полей, с наших улиц и дорог, выжечь дотла!

Мера нашей любви к родине — сила ненависти к врагу.

В ХАТЕ

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

— Бабка! Бабка!

Анисья подняла глаза. Из-за плетня ее звала Наталка.

— Чего?

— Можно зайти к вам на минуточку?

— Чего ж нет? Заходи, если надо.

— Бабка!

— Чего тебе?

— Бабка, немцы идут.

Анисья пожала плечами. Она слышала это уже несколько дней. Они шли. Ну и что же? И немцы, небось, дадут спокойно помереть такой старой рухляди, как она.

Идут, так идут... Ей-то, старухе, что?..

— Бабка, мы все уходим в лес, и тятя, и я, и все, все!

— Ну и идите... А я тут погреемся на солнышке...

— Бабка, у нас в саду два красноармейца.

— Кто?

— У нас в саду, в той будке, что за сливами, два красноармейца.

— Ну так что? Понравился тебе который, что ли?

— Бабка, красноармейцы раненые. Их нельзя взять с собой.

Они лежат, их нельзя шевелить. Понимаете?

— Понимаю... На солнышко бы их...

— Бабка, они тяжело раненые, понимаете? Мы все уходим в лес. А немцы вот-вот подойдут... Бабка, красноармейцам надо воды подать, походить за ними, понимаете?

— Чего же тут не понять?

— А сможете ли вы?

— Почему не смочь?

— Ну, так будьте здоровы, бабка... Я так думаю, что скоро мы обратно в деревню... А теперь, пока-что побегу.

И замелькали босые ноги. Анисья покачала головой:

— Вот коза... Ну, старая, поглядим, где там эти двое...

Она тяжело приподнялась. Труднее всего было встать. Но, распрямившись, больные ноги шли уже сами.

Она обошла кругом и вошла в сельский сад. На соломе лежали двое раненых. Старуха присела на корточки и рассматривала их.

Один из раненых очнулся от лихорадочного забытья, поднял перевязанную голову.

— Кто здесь?

— Тише, тише... Бабка Анисья пришла... Ты лежи, лежи спокойно...

— Воды...

— Воды... Принесу и воды, голубок, а как же, всего принесу...

Она сама не знала, откуда взялись у нее силы. Рвущая боль в ногах прекратилась. Анисья не помнила о ней. Она начерпала воды из колодца, налила в кувшин и снова отправилась в сад, под сливы.

— Пей, пей, голубчик...

Она поставила кувшин около раненых и засемила к себе. Тут она снова уселась на пороге и сразу задремала, утомленная хлопотами. Ее разбудила вечерняя прохлада. Она с усилием засемила к раненым и снова вернулась к себе.

— Вот и день прошел...

Утром во двор вошли трое. Слышны были жесткие звуки чуждой речи. Бабка Анисья не испугалась. Что ей немцы? Ей, может, несколько дней осталось до смерти, до той смерти, что все не приходила.

— Твоя хата?

— Говори, твоя хата?

— Моя... А что?

— Открой избу!

— Да ведь открыта,— удивилась Анисья.

— Открывай, когда тебе говорят,— крикнул переводчик.

Медленно, тяжело опираясь на палку, она поднялась и вошла в избу. Офицеры — за ней.

— Ты одна в хате?— спросили старуху.

— Одна... Уж десять годов, как одна...

Ее оставили в покое. Они расселись на лавке, на кровати и громко разговаривали о чем-то. Она подождала минутку и двинулась к двери. Чья-то тяжелая рука упала на ее плечо и дернула ее назад. Она поняла, что ее задерживают в избе. Полковник долго разговаривал с переводчиком.

— А вы присматривайте. Слепая, старая, а чорт ее знает, что в сущности... Оглянуться не успеете, как она наведет на нас когонибудь...

Когда переводчик ей объяснил, что она должна сидеть дома, несколько раз покладисто кивнула головой. Ей-то что... Дома, так дома.

Она забралась на печку и задремала. В избе громко разговаривали, раскладывали по столу карты, ссорились, свистели, топали подкованными сапогами. Это ей не мешало. Она дремала. Но к вечеру ее охватило беспокойство. Она совсем очнулась от дремоты и внимательно осмотрелась в избе. Их было тут полно, они толпились у дверей, ходили по сеним, у входа стоял часовой. Выйти незаметно нечего было и думать. Она, кряхтя, слезла с печки.

— Ты куда?

Переводчик вырос словно из-под земли. Она сердито оттолкнула палкой его руку:

— Смотрите какой... По своей нужде иду.

Он отступил, но, выйдя, она заметила, что он идет за ней по пятам. Она пожала плечами.

Вот еще, старой бабы испугались немцы... Ну, стерегите, стерегите.

Она вернулась в избу на печку. Но беспокойство за тех двух угнетало ее все сильнее. Когда пришел сон, ей снились те двое. Анисья проснулась. И сразу почувствовала: что-то неладно. Она взглянула с печки, и ей показалось, что ей все еще снится.

Офицеры сидели за столом на табуретах, на кровати. А перед ними стояли, поддерживаемые солдатами, те двое, из будки под сливами. Бабке Анисье показалось, что с ее глаз вдруг спало

бельмо, нараставшее на них годами. Она увидела то, чего не видела за всю свою долгую жизнь.

В самой середине сидел полковник. Переводчик стоял у стола около раненых. Полковник бросал вопрос, и переводчик быстро, жестко, хриплым голосом повторял его.

— Какой части?

Анисья даже здесь, на своей печке, слышала тяжкое дыхание раненых.

Они не отвечали. Полковник сердито грохнул кулаком по столу.

— Скажите им, что я не поцеремонюсь, понятно?

Анисья слышала жестокую угрозу в его голосе. Она чувствовала, как колотится ее сердце. Оно билось, билось так сильно, как не билось долгие годы, и старуха подумала, что, пожалуй, там, у стола, слышен грохот, разрывающий ее грудь. Но никто не смотрел на печку. Все глаза были устремлены на тех двоих, что пошатывались перед столом, поддерживаемые грубыми солдатскими руками.

— Какой части?

Раненый в голову перевел дыхание. Бабка Анисья ожидала, вся дрожа.

— Не скажу.

— А ну, Ганс, помоги ему. У него слова не пролазят сквозь зубы, ты помоги ему.

Солдат размахнулся и ударил кулаком по лицу. Голова в грязной, пропитанной кровью повязке бессильно качнулась назад. Но раненый, напрягая волю, выправился опять.

— Где армия?

— Не знаю.

— Где люди из деревни?

— Не знаю... Я никого не видел, — хрипел раненый.

Полковник гневно сжал лежавшие перед ним бумаги:

— Ганс, он не видел... Понимаешь, он не видел... Ну-ка, помоги ему увидеть. Понимаешь, помоги ему так, чтобы он увидел...

Раненый упал на землю. Анисья приподнялась. Нет, этого не может быть, старые глаза ее обманывают! Солдат вытащил штык. Двое сели на лежащего. Осторожным, почти нежным движением солдат воткнул штык в левый глаз. Раздался нечеловеческий задущенный крик и тотчас умолк.

— Прикончить! — сказал полковник. — Следующий! Спрашивайте.

Анисья торопливо спрятала голову под одеяло. Она затыкала пальцами уши, чтобы не слышать. Зажимала ладонями глаза, чтобы не видеть. Со стоном проклинала свою жизнь, которая тянулась девяносто один год, чтобы дойти до этой ночи. Она проклинала свои глаза: они не ослепли во-время, не заросли до конца бельмом, они увидели. Проклинала свои уши: они не оглохли во-время, они могли это слышать.

Сквозь одеяло до старых ушей доносились стоны и отчаянный, монотонный, все один и тот же крик:

— Не знаю! Не скажу!

И, наконец, тишина. Она долго не решалась выглянуть из-под одеяла. Наконец, высунула голову. Те, повидимому, собирались спать, расстегивали пояса, снимали сапоги. Закрыли окна деревянными ставнями. Задвинули засов у дверей. Перед домом расположились лагерем солдаты, за дверьми ходил часовой, но офицеры, видно, никому и ничему не доверяли. Полковник сам осмотрел засов у дверей, попробовал его. Проверил ставни. И сам подошел к печке посмотреть, спит ли там старуха.

Анисья поспешно закрыла глаза, стараясь дышать ровно, спокойно. Лампа погасла. Анисья чувствовала, как у нее деревенеют руки и ноги, как становятся тяжелей свинца. Она ждала. Кто-то уже храпел. Анисья бесшумно приподнялась на печке. Ей показалось, что ее видно в темноте, что слышно каждое ее движение. Но те спали. Со всех сторон неслошь сопенье и храп. Они лежали вповалку на постланной на полу соломе: Полковник спал на кровати. Она спустила с печки одну ногу. Ждала. Никто не шевельнулся. Другую ногу — ничего. Тихонько, осторожно она слезла с печки. Только не разбудило бы их ее сердце, бьющееся, словно набат. Но нет, они спали. Спали глубоким, крепким, тяжелым сном усталых людей. Анисья, шаря руками в темноте, подошла к дверям.

Сдерживая дыхание, еще раз повернула ключ и вынула его из замка. Глубже воткнула затычки в ставни. Сколько сил в ее дрожащих, опухших руках! Дверь была заперта крепко. Крепко заперты были окна. Никто не мешает спать, никто не проникнет в хату, никто не нарушит отдыха господ офицеров.

Она переждала. Пошарила под лавкой. Да, бутылка была на своем месте. Полная бутылка. Как раз недавно Наташа принесла из лавки и поставила туда полную бутылку.

Анисья вытащила пробку. Бесшумно наклонилась над кроватью и медленно, осторожно налила керосину на солому, там, где лежали полковничьи ноги. Отступила на шаг и медленно, осторожно полила керосином там, где лежали на полу офицеры. И на пороге, и всюду.

Дрожащими пальцами она поискала на шестке спички. Были ведь и спички. А как же, — лежат на своем месте...

Накинув на голову одеяло, она потеряла под ним спичкой о коробок.

Анисья, не отрываясь, глядела на огонь. Она не почувствовала, как загорелась ее намокшая в керосине юбка.

Когда с криком вскочил первый из спящих, изба горела пожарающим, быстрым, несущимся вверх огнем. Кто-то отчаянно ломился в дверь.

Бабка Анисья поднялась, но тут же упала ничком, упала лицом в пламя. Успела вспомнить, что двери и окна заперты крепко и никому не удастся их открыть.

ПАРИКМАХЕР ЛЕОНАРД

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Это был волшебный мастер бритья и перманента, юный одесский Фигаро. Впервые я увидел его на одной из морских береговых батарей, куда он приезжал на трамвае (так в Одессе ездили на фронт) три раза в неделю по наряду горсовета, живой подарок краснофлотцам, веселый праздник гигиены.

В кустах возле орудия номер два поставили зеркало и столик, батарейцы сгрудились вокруг, нетерпеливо дожидаясь очереди и заранее глядя щеки. Пощелкивая ножницами, как кастаньетами, он пел, мурлыкал, острил, гибкие его пальцы играли блестящими инструментами, и порой, когда обе руки были заняты пульверизатором, он швырял гребенку на верхнюю губу и зажимал ее носом. Бритва так и летала в его ловких пальцах, угрожая носу или уху быстрыми взмахами, и очередной клиент с опаской водил глазами по зеркалу, следя за ее сверкающим полетом. Но остроты и песни никак не мешали работе, и бритва скользила по щекам, обходя все возвышенности, и Леонард сдергивал салфетку с видом фокусника:

— Гарантия на две недели, брюнетам — на полторы. Кто следующий?

Сев на стул, я невольно залюбовался в зеркале его пальцами. Тонкие и гибкие, они нежно прощупывали пряди волос, безошибочно отбирая то, что нужно снять. Каждый палец его, бледный и изящный, жил, казалось, своей осмысленной, умной жизнью, подхватывая кольцо ножниц, зажимая гребенку или выбивая трель на машинке, — в вечном неустанном движении, в веселой шаловливости, в постоянном следовании за песенкой, сопровождавшей работу.

Не удержавшись, я сказал:

— С такими пальцами и слухом вам бы на скрипке играть.

Он посмотрел на меня в зеркало и хитро подмигнул.

— Хорошая прическа — тоже небольшая соната, скажете нет?

Мы разговорились. Большие черные его глаза стали мечтательными. Он рассказывал о своем профессоре, который называет его „моложавым дарованием“, о скрипке, о том, что, когда кончится война, он все-таки кончит техникум и бросит перманент, из-за которого его зовут Леонард, хотя он просто Лев. Он говорил о музыке, о любимых своих вещах, напевая отрывки мелодий, пальцы его, как бы вслушиваясь, перестали балаганить. Выразительные и беглые, они теперь ложились на гребенку цепко и властно, как на гриф скрипки.

Приведя в порядок всех желающих, он достал скрипку, которую неизменно привозил с собой на батарею, и краснофлотцы вновь

обступили его. Видимо, эти концерты после бритья стали здесь, на батарее, традицией. Южное осеннее солнце сияло на тугих молодых щеках, выбритых до блеска, просторное море синей мечтой манило к себе сквозь зелень кустов, и огромное тело орудия номер два, вытянув длинный хобот, молчаливо вслушивалось в певучие украинские песни, в жемчужную россыпь Сарасате, в медленный ход анданте из концерта Мендельсона. Леонард играл, смотря перед собой через орудие и кусты на море, вторя невидимому оркестру и изредка напоминая о нем звучным и верным голосом, и казалось, что он видит себя на большой эстраде, среди волнующегося леса смычков и воинственной меди труб.

Очередной румынский снаряд, рванувшийся за кустами, оборвал концерт. Леонард опустил скрипку.

— В партитуре этого нет. Опять пьяный литаврист уронил палку, скажете нет?

Вторично я встретил Леонарда в госпитале. Он лежал, закрытый до подбородка одеялом, и черные, влажные его глаза были грустны. Я узнал его и поздоровался. Он кивнул мне и попытался пошутить. Шутка не вышла. В коридоре я спросил врача, что с ним.

Была тревога. Все из парикмахерской кинулись в убежище. Оно было под пятью этажами большого дома. Бомба упала на крышу, и дом, сложенный из одесского хрупкого известняка, рухнул. Убежище было завалено.

В нем была темнота и душный, набитый пылью, воздух. Никого не убило, но люди кинулись искать выхода. Закричали женщины, заплакали дети. И тогда раздался звучный голос Леонарда:

— Тихо, ша! В чем дело? Ну, маленькая тревога „у-бе“ — „уже бомбили!“... Больше же ничего не будет... Тихо, я говорю! Я у отдушины, не мешайте мне держать связь с внешним миром!

В убежище притихли и успокоились. Леонард заговорил в отдушину, и все слышали, как он подозвал кого-то — видимо, из тех, кто кинулся к развалинам, назвал адрес дома („бывший адрес“, сказал он), вызвал помощь и пожарных. Один у своей отдушины, не уступая никому этого командного места, он спрашивал в нее, как идут раскопки, и передавал это в темноту. Люди лежали спокойно и ждали. Хотелось пить — он сказал, что уже ведут к отдушине шланг. Стало душно — он обещал воздух, ибо со своего места уже слышал удары мотыг и лопат. Он передавал в темноту время, узнавая его через отдушину, и всем казалось, что часы текут страшно медленно.

По его информации прошло около шести часов. На самом деле раскопки заняли больше суток, и помощь пришла совсем не со стороны отдушины, по которой он говорил. Отдушины не было, как не было долгие часы ни пожарных, ни мотыг, ни лопат, которые раскидывали камни где-то высоко над грудой развалин. Все это выдумал веселый парикмахер Леонард, чтобы остановить панику, успокоить гибнущих людей и вселить в них надежду.

Когда добрались до него, он лежал в глухом углу, и руки его были прижаты тяжелым камнем. Пальцы его были разможжены, и руки пришлось отнять до запястья.

Первую неделю после операции он просил выключать радио, когда начиналась музыка. Потом он слушал ее спокойно, закрыв глаза, — веселый одесский Фигаро, простившийся со своей мечтой, человек, который в страшной своей скорби и боли сумел целые сутки думать о других.

СОЛОВЕЙ

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

На фронте под Одессой работал отряд разведчиков-моряков. По ночам они пробирались в тыл румынам, проползая на животе между минными полями, переходя по грудь в воде осеннего лимана, забираясь на шлюпке далеко за линию фронта. Они снимали часовых ударом штыка или кинжала, забрасывали гранатами хаты со штабами, сидели под обстрелом своих же батарей, корректируя огонь, — неуловимые, смелые и быстрые „черные дьяволы“, „черные комиссары“, как с ужасом звали моряков румыны.

Среди них был гигант-комендор с крейсера „Червона Украина“, которому ни на одном складе не смогли подобрать высоких сапог. Сапоги специального пошива ему прислал секретарь Одесского обкома партии, вложив в них, как в футляр, другие — крохотные. Эти предназначались для другого разведчика, размер ног которого тоже не был предусмотрен флотской ростовкой обуви: то была девятнадцатилетняя Аня, беженка из приодесского колхоза Белявки, провожавшая теперь разведчиков по родным местам к любой хате.

Среди них был и машинист с миноносца „Беспощадный“, практиковавший с успехом свой собственный способ получения живьем румынского пулеметчика вместе с его оружием: для этого требовалось брать с собой в тыл обыкновенный ракетный пистолет (которым подают сигнал о взлете самолета) и стрелять ракетой в морду румыну. Тогда, ослепленный, тот строчил во тьму, куда попало, а сзади на него наваливался гигант-комендор, заботясь только об одном — чтобы румын не потерял от его медвежьих объятий дара речи и не перестал быть „языком“, столь необходимым командованию.

И здесь был красивый и статный электрик с миноносца „Фрунзе“, с гордыми усиками, которого за эти усики и за любовь к кавалерийским штанам прозвали „гусаром“. Галифе, армейские гимнастерки и пилотки были вызваны необходимостью: не очень-то ловко ползать по болотам в широких морских штанах и флотских ботинках. Разведчики вынужденно изменили морской форме, но „морская душа“ — полосатая тельняшка — свято сохранялась на теле и синела сквозь ворот неоспоримым доказательством принад-

лежности к флоту, а на пилотке под звездочкой гордо проблескивал якорек.

В первые же дни начинающейся морской дружбы и уважения друг друга „гусар“ обнаружил неожиданные способности.

В жаркий, пыльный день шестеро разведчиков шли через Одессу из бани. Пить хотелось нестерпимо. Но пить в городе хотелось всем, и у ларьков скопились очереди. Моряки со вздохом прошли три ларька, поглядывая на часы: стать в очередь у них нехватало времени. Внезапно им повезло: с неба раздался характерный жужжащий вой мины. Это было на краю города, куда мины порой залетали, и звук их — противный, ноющий, длинный — был хорошо знаком одесситам. Очередь распалась, люди попрыгали под защиту каменных стен домов. Но мина не взорвалась. Она проняла свою скверную песню и бесследно пропала.

Зато у освободившегося окошка ларька, откуда привычный ко всему продавец так и не ушел, уже стоял „гусар“ и с наслаждением тянул содовую воду, приглашая остальных моряков.

Оказалось, что „гусар“ был одарен необыкновенной способностью к звукоподражанию. Из его розовых полных губ вылетали самые неожиданные звуки: свист снаряда, хлопанье курицы, визг пилы, вой мины, щелканье соловья, шипение гранаты, лай щенка, отдаленный гул самолета. И способности эти, едва они только обнаружались, были немедленно обращены на пользу делу.

„Гусара“ объявили „флагманским сигнальщиком“, разработали целый код и понесли его на утверждение командиру. Хлопанье курицы означало, что у хаты замечен часовой, крик утки — что часовых двое. Пулеметчик, замаскированный в кустах, вызывал жалобный посвист иволги. Место сбора ночью после полета на румын определялось долгим пением соловья, с упоением артиста самозабвенно щелкающего в кустах или у шляпки.

Вечерами, когда разведчики отдыхали после опасного рейда, „гусар“ устраивал в хате концерт. Моряки лежали на охапках сена, и „гусар“, закинув руки за голову, свистел. Так я и застал его в хате, приехав в гости к разведчикам.

За поздними щами — ночным военным обедом — я узнал, что, уйдя с флота в запас, он стал артистом. Он назвал свое имя, которое я не раз встречал на афишах, и я вспомнил, что слышал его в Москве, в Доме народного творчества. Он свистал чисто и сильно штраусовские вальсы, шопеновские прелюды, виртуозные скрипичные пьесы, и тонкий, нежный его, свист, которому аккомпанировали глухие, непрерывные гулы своих и чужих орудий и взрывов — постоянная симфония осажденной Одессы, — звучал далекой мечтой о мирной, спокойной жизни, о ярком свете на улицах и в залах, о белых платьях и чистых руках, о забытом, утерянном спокойствии, уюте и доме. Моряки слушали молча, и когда замирал последний, утончающийся и переходящий в хорошую, умную тишину звук, гигант-комендор тем глухим рычанием, которое иногда слышишь в могучей дымовой трубе линкора, негромко басил:

— Ще давай... Гарно свистишь...

И моряки лежали на сене и думали каждый о своем — о прошедшем удачно ночном набеге, о раненом друге, о письме от далекой семьи, о жизни, судьбе и победе, и о том, что будет еще, непременно будет, тихая жизнь с такой же тишиной и с мечтающей песней, — и орудия за стенами хаты извергали металл и крошили тех, кто нарушил эту жизнь...

В следующий вечер разведчики, отдохнув, вновь ушли в тыл. Я уехал на другой участок фронта. Через неделю я встретился с новыми друзьями, и вот что они рассказали мне о „гусаре“.

Он остался в шляпке в камышах — охранять это средство возвращения к своим и, как обычно, быть „флагманским сигнальщиком“. Ночью моряки натворили дел в тылу, сняли два пулемета, взорвали хату со штабом и ушли в каменоломни отсидеться до следующей ночи. В шесть утра на вторую ночь они возвращались к шляпке, использовав и эту ночь на свои смелые дела. Крадучись они подходили к камышам, где была шляпка. Гиганта-комендора несли втроем, — его ранило разрывной пулей в бедро, двоих разведчиков не досчитывались. В камышах все прилегли передохнуть и стали слушать ночь, чтобы определить, где шляпка.

В ночи пел соловей. Он щелкал и свистел, но трели его были затруднены и пение прерывисто. Порой он замолкал. Потом пение возобновлялось, но такая тоска и тревога была в нем, что моряки толкнули друг друга. Они оставили тяжелое тело раненого под охраной Ани и двух товарищей и кинулись к шляпке.

„Гусар“ лежал в ней навзничь. В темноте не было видно его лица, но грудь его была в липкой крови. Автомат его валялся на дне, все диски были пусты. Те, кто подтаскивал к шляпке раненого комендора, наткнулись в камышах на трупы румын. Очевидно, они обнаружили шляпку, и здесь был неравный бой.

„Гусар“ не узнавал родных голосов. Он лежал навзничь и хрипел тяжело и трудно. Потом набирался сил, и тонкий свист вылетал из его холодеющих губ. Не видя, не осознавая, что те, кому он должен был дать спасительный сигнал, уже вернулись, он продолжал свистеть. Он все свистел и щелкал соловьем даже тогда, когда все сели в шляпку и, осторожно опустив весла, пошли по тихому темному морю.

И соловей — птица кустов и деревьев — пел и щелкал над морем. Он свистел, замирая, отдыхая, трудно втягивая воздух. Он все свистел, и скоро пение соловья перешло в мелодию.

Оборванная, изуродованная, как и его тело, она металась над ночным морем последней жалобой. Никто не понял, что он свистел. Может быть то, что я слышал когда-то из-под этих гордых, задорных усиков на огромной светлой эстраде московского Дома народного творчества, где ему впервые сказали, что свист его — это большое искусство.

РОМЕО НА ПОСТУ

ЛЕВ КАССИЛЬ

У нас во дворе очень любят этого дежурного. Молоденький студент театрального училища, он с первых дней записался в команду охраны и теперь часто дежурит, охраняя в нашем доме какую-то дверь, про которую все таинственно говорят в домоуправлении: „объект“. Всякий раз к концу дежурства к дежурному приходит девушка с двумя длинными косами. Дежурный не имеет права отворачивать свои взоры от доверенной ему двери, поэтому девушка читает ему вслух. И оба они такие молоденькие, такие милые и свежие, и дежурный и его девушка, что все во дворе бывают очень довольны, когда настает черед охранять дверь студенту. Он стоит тоненький и большеглазый, в аккуратной кепке, из-под которой выбиваются мягкие черные волосы, а рядом на пороге сидит девушка и читает ему вслух. Во дворе известно, что она учится не в театральном училище. Ничего подобного, она, напротив, биолог. Но когда-то оба играли в клубных спектаклях, и теперь она помогает своему другу готовиться к зачетным этюдам.

Однажды мне пришлось дежурить по дому в мрачную и неприглядную августовскую ночь. Я бродил по двору от подъезда к подъезду. И вдруг услышал у знакомой двери:

— Увидев лишь, они тебя убьют.

— Увы! Глаза твои опасней мне, чем двадцать шпаг, — донесся знакомый, звучный голос. — Лишь ласково взгляни — и против злобы их я защищен.

Опять ответил девичий голосок:

— Лишь бы тебя они не увидали...

— От них меня укроют ночь и плащ, — но если любишь пусть меня найдут: пусть лучше смерть от ненависти их, чем жизнь, лишенная твоей любви.

Было очень темно во дворе. Я не видел говоривших, но, прислушавшись, понял, что у нас сегодня дежурит Ромео, к которому пришла его Джульетта. Вероятно, они просто репетировали для зачета в училище одну из сцен.

Джульетта говорила в темноте:

— Прости, не думай, что ветрена уступчивость моя, которую ночь темная открыла.

— Благословенной я луной клянусь, — отвечал Ромео, — что серебром дерева обливаешь...

Луны над вверенным нам двором я нигде не видел. Ночь была — как чернила. Но я был всего-навсего лишь дежурным по дому, а они — Ромео и Джульетта. Возможно, что они видели луну. Зато они, очевидно, не слышали сигнала воздушной тревоги. Или они не касался. Двор наш наполнился говором, шумом шагов — жильцы спускались в убежище. Я подошел поближе к Ромео и

Джульетте, чтобы напомнить им о правилах поведения во время воздушной тревоги. Все, кроме дежурных, должны были немедленно уйти в укрытие. Я подошел, когда они прощались.

— Я слышу в доме шум, — сказала Джульетта. — Прощай, любимый!

Я отошел, чтобы не мешать. И, отойдя, услышал:

— Иду. Монтекки милый мой, будь верен. Постой минутку, я сейчас вернусь.

Чорт подери! Они продолжали репетировать. Они не думали прощаться.

В верхних окнах высокого нашего дома уже поблескивали отраженные в стеклах далекие разрывы зенитных снарядов. Нет, я должен был различить их, немедленно. У Шекспира тут вмешивается кормилица. „Сударыня“, — говорит она из-за двери. И я, сделав шаг вперед, сказал в темноту:

— Сударыня!.. Немедленно спускайтесь в укрытие.

— Иду, сейчас, — она зашептала, торопясь: — Но если ты не чистым сердцем... Молю тебя...

— Сударыня! — повторил я реплику кормилицы, как полагалось у Шекспира.

— Сейчас, сейчас приду!

Кажется, сцена подходила к концу. Я старался припомнить, сколько там еще строк осталось у Шекспира. Зенитки били все ближе и ближе.

— Сто раз тебе привет, — говорила Джульетта.

— Сто раз больней мне ждать, придет ли свет, — откликался неугомонный Ромео. — Вот с книгой расставаться школьник рад, а с милой расставаться — черный ад.

— Сто раз вам говорить, чтобы вы уходили в убежище, — вмешался я, испортив всю сцену. Кажется, они засмеялись в темноте. Потом Джульетта наша спустилась в укрытие, а мы с юным Ромео остались дежурить под черным небом, на котором за опоздавшей луной загорелась осветительная ракета.

СЫН ТЕТИ ПАШИ

ЛЕВ КАСИЛЬ

В издательстве у нас всем было известно, что сын нашей уборщицы, тети Пашы, пулеметчик Василий Суховеев, пропал без вести. Давно не было писем от него. Старуха совсем извелась от беспокойства. Все очень жалели тетю Пашу и как могли обнадеживали ее. Найдется, мол, твой Василий, будет случай — и подаст о себе весточку.

На-днях к тете Паше прибежала на работу ее племянница — Нюша.

— Тетя Паша!— закричала она еще издали.—Я сейчас Васю вашего видела.

Тетя Паша медленно подняла руки к горлу и схватилась за концы платка, занязанного узлом под подбородком.

— Грех тебе смеяться, Нюшка.

— Какой тут может быть смех, тетя Паша! Что я уж все дурная, что ли?.. Я вам дело говорю. Я сейчас видела вашего Васю в кино, на дневном сеансе. С Веркой ходила.

— Это как же так в кино?— занегодовала тетя Паша.— Это что ж такое?.. Что же это он к матери-то не явился, а сразу в театры побежал.

— Ой, ей-богу, тетя Паша, ну что вы не поймете никак. Я его в кино видела. Там картина, на фронте снятая. И он там участвует. Понятно вам это?

Когда кончилась работа, мы пошли с тетей Пашей в ближайшее кино. Шел фронтовой киножурнал. Нам показали танковую атаку, пленных немцев, заискивающие улыбающихся перед аппаратом. Потом мы видели бомбежку немецких аэродромов нашими летчиками. И вот голос ведущего произнес за экраном:

„Боец Василий Суховеев, оказавшийся в окружении, в течение 18 дней пробивался сквозь немецкий тыл. Он вышел невредимым и не только принес в часть свой пулемет, но еще захватил автомат, отбитый им у встречного фашиста“.

И мы увидели на экране храброго пулеметчика Василия Суховеева — сына нашей тети Паши. Он был снят в тот момент, когда вышел из леса, добравшись, наконец, до своих. Густая щетина темнила его давно небритые щеки, но глубоко запавшие глаза смотрели с экрана упрямо, бодро и колюче. Потом мы видели его уже побритым, переодевшимся. Он сидел вместе со своими товарищами на пеньке и ужинал, держа на коленях походный котелок.

Когда дали свет в зале, тетя Паша тихонько спросила меня:

— Ну, как он, не сильно похудал? Я-то, дура, сквозь слезы свои и не видала ничего. Как он только из лесу-то вышел, так я и закатилась.

Она осталась на второй сеанс, чтоб еще раз, и теперь уже как следует, посмотреть на сына. Администратор, узнав в чем дело, выдал ей постоянный пропуск. И теперь, как только кончается работа, тетя Паша спешит в кино. Она высидивает по три сеанса подряд, терпеливо дожидаясь быстро мелькающих минут, когда на экране выходит из лесу, смотрит колючими глазами в зал, улыбается Василий Суховеев, храбрый пулеметчик — ее сын. Она сидит в самом первом ряду, утирает кончиком платка глаза. Ей трудно усидеть молча, тянет поделиться своими чувствами с соседями. И, обернувшись, показывая на экран пальцем, мерцающим в сумраке зала, она тихо и застенчиво говорит: Сын.

КРОВНИК

ЛЕВ КАССИЛЬ

„Добрый день, уважаемая Валя! Извиняюсь, что пишу к вам под таким смелым обращением. Но полного вашего звания по отчеству не знаю. Пишет вам боец-минометчик Гвабуния Арсений Нестерович. Мой год рождения 1918-й. Вы со мной незнакомые. Но в моих жилах течет ваша благородная кровь, Валя, которую вы, когда выступали в Свердловске, дали из своего золотого сердца для бойцов, командиров и политработников Рабоче-Крестьянской Красной Армии, если получают ранения в боях с фашистской нечистью.

Я имел тяжелое положение от раны, и была впоследствии этого сильная слабость и опасность для жизни по случаю большой потери крови. И мне в госпитале в городе Свердловске перелили двести кубиков крови, а потом спустя срок еще двести. Итого всего — четыреста. И это была ваша кровь, которая меня полностью спасла, я стал быстрым ходом итти на поправку для новых сражений за родину. И здоровье мое теперь хорошее. За что я вам, дорогая Валя, выражаю свою чистосердечную красноармейскую благодарность.

Я тогда в госпитале спросил, когда назначен был на выписку, чьей принадлежности кровь мне переливали. Мне сказали, что вашу. Сказали, что известной артистки, и сказали вашу фамилию — Шаварова. Мне сказали, что ваш личный брат тоже бьется на нашем фронте. Я хотел после пойти в театр, поглядеть пьесу при вашем исполнении, да вы уже уехали. И по этой причине мне не удалось вас увидеть.

После того, как я побывал на полном излечении, снова вернулся теперь по обратному направлению в свою родную часть, которой командует майор товарищ Вострецов. И вместе с моими товарищами по минометному подразделению мы глушим своим огнем кровавых фашистов и не даем им свободно вздохнуть и поднять голову над нашей советской землей.

Я пишу вам письмо по той причине, что хочу: первый номер — выразить вам упомянутую благодарность, а второй номер — это высказать вам про один случай, а проще говоря, боевой эпизод, каковой я хочу описать вам в нижеследующих строках.

Вчерашний день к вечеру мы получили приказ и готовились к боевым действиям. Незадолго до наступления обозначенного времени бойцы слушали радио из столицы нашей Москвы. И по радио сказали, что стихотворение сочинения одного автора прочитает артистка Валентина Шаварова, то-есть вы. Вы читали с сильным выражением и очень разборчиво. Бойцы все глубоко одобрили. Мы все так слушали, что даже не думали в тот час об опасности для жизни, которая нас ждала в скором бою. Может быть, это и

не полагается, но я не скрою — я сказал своим товарищам-бойцам, что эта известная артистка, которую сейчас было слышно из Москвы, одолжила мне без отдачи свою кровь для спасения. Но не все поверили. Некоторые полагали, что это я вру, будто известная артистка дала мне кровь. Но я знал, что не вру.

Когда кончилась передача из Москвы, вскоре мы пошли в бой, и, хотя огонь был слишком густой, я все слышал ваш голос.

Бой был очень трудный. Ну, это долго описывать. В общем, остался я сам один у миномета своего и решаю, что живой фашистам не достанусь. Мне немножко повредило палец осколком, но я все веду огонь и не бросаю своего рубежа. Тут меня начинают обходить. Кругом меня осколки так и свищут, так и заливаются. Треск стоит ужасный до невозможности. И вдруг подползает ко мне сзади незнакомый боец, и замечаю — у него нет при себе винтовки. Он отбилась от другой части и, как видно, что чересчур перепуганный. Я его стал уговаривать, ну, всякие подходящие слова ему высказываю. Сейчас, мол, мы вдвоем миномет утащим, чтоб немцам не достался. Но он хотел все бросить и спастись. У меня всякие подходящие слова закончились, и я его, признаться, стал уже немножко обзывать. „Слушай,— это я ему говорю,— нельзя быть таким шкурным трусом, овечья твоя душа, бараний сын, как твоя фамилия?“ Он уже еле губами со страху шевелит, а кругом стрельба стоит такая, что буквально оглушает. Но все-таки услышал я его фамилию: „Мое, говорит, фамилие Шаваров“. „Стой, говорю, а сестра в Москве имеется?“ Он только головой кивнул.

Хотел я его еще подробнее, досконально выпросить, но тут на нас из-за леска немцы наступление повели. И бросился мой Шаваров бежать вбок куда-то... И обидно мне тут стало и страшно за него. Ведь я все время помнил, что у вас брат на нашем фронте бьется. Так как-то сразу меня прохватило: это, думаю, непременно ее брат... А он, дурной, бежит, понимаете, бежит, Валя, и прямо наскочил на засаду. Словно из-под земли скакнули замаскировавшиеся там немцы и хватают его, как барана. Они хотели его взять живьем, а я думаю, он со страху там такое нараскажет, что повредит этим наше дело на данном участке обороны. Да и выскочили немцы на хорошо пристреленное мною местечко. Как, думаю, шархнуть в них большим калибром, так сырое место от них останется. Но, конечно, опасаясь жизни лишить брата Вали Шаваровой.

Тут я вам, Валя, должен вот что прояснить. Я, Валя, полный сирота. Родился я в Гудаутах, а рос в детском доме в Краснодаре, где я получил образование в объеме неполной средней школы. Но родни у меня нет абсолютно никакой. И когда я был призван в Красную Армию и участвовал в боях против фашистов, то я часто задавался такой мыслью, что за меня некому даже побеспокоиться. Другим моим товарищам по минометному подразделению писали всякие их родные, которые болели за них душой. А мне даже и писать было некуда. А вот теперь я так считал, что у меня есть уже кровная родня. Это — вы, Валя. Конечно, вы меня не знаете,

но теперь, прочтя это письмо, будете знать, а для меня самого вы на всю жизнь останетесь, как родная...

Потом я еще хочу написать про обычай кровной мести, который имелся у нас в Абхазии. Кровью за кровь мстило одно семейство другому, и если один зарезал кого в другой семье, то и эта семья должна была резать того, кто убил, и отца его, и сына, и внука даже. Вот у нас какой глупый закон.

А я вам, Валя, кровью обязан. Если можно так выразиться, то мы с вами получаемся как кровники, но только совсем в другом смысле. И где бы я ни встретил вас, отца вашего, брата, сына, — все равно я должен такому человеку помочь добрым делом, оказать полное содействие, надо будет — жизнь свою бросить. И вот тут получается такое обстоятельство: немцы передо мной на открытом месте, я по долгу воинской службы должен ударить по ним с миномета, но среди них — ваш брат, кровник мой. А ждать больше уже ни минуты нельзя, скроются фашисты или обойдут нас. Но открывать огонь я не в своих силах. Тут вижу я — один из немцев замахнулся пистолетом на захваченного, а тот упал на колени, ползает, в нашу сторону указывает, где минометы стоят.

Заммурился я от стыда. Ударила мне кровь в голову, кулаки сжались и пересохло сердце во мне. „Не может быть, говорю я себе, такого брата у нее, а если есть такой, пускай не будет его, не должно быть такого...“ Открыл я глаза для прицела и ударил я с миномета по пригорку большим калибром...

А после хотел я пойти посмотреть на тот пригорок, да все не было во мне решительности. Тут пришли санитары, стали подбирать. И вдруг слышу — говорят: „Смотри-ка, это Хабаров лежит... Вот куда убежал. Ну и трус был, попал один такой на всю роту“. Тут я подошел, переспросил для окончательного выяснения личности, и оказывается, фамилия-то этого Хабаров на самом деле, будь ты проклят... а я не расслышал тогда или просто мне почудилось в бою, и создалось такое жуткое представление.

Очень у меня это было сильное переживание, Валя. И я решил об нем написать вам. Может, и у вас будет желание написать мне ответ, то адрес на конверте. А если пришлют вам похоронную обо мне, то прошу не удивляйтесь, почему: это я в своем документе написал теперь ваш адресок для сообщения и получения пособия. Больше адресов у меня нет никаких, кроме вашего, кровника вы моя. И тогда, если придет к вам по почте такое извещение, примите его. Не слышал я, берут ли расчет слезе человеческой, как крови, на кубические сантиметры или нет ей никакой меры. Один кубик слез все-таки уроните тогда, Валя, за меня, а больше не стоит. Хватит.

На том кончаю, извиняюсь за грязный почерк из-за боевой обстановки. Еще раз чистосердечное спасибо вам. Можете быть спокойны, Валя, драться буду с врагами окончательно до последней одной капли крови.

Остаюсь боец-минометчик Арсен Гвабуния“.

КТО ЛЕНИНА ЛУЧШЕ ВИДИТ

ЕВГ. ПЕРМЯК

Шел тысяча девятьсот девятнадцатый год.

В тылу врага на лесной поляне засел пестрый по национальному и социальному составу партизанский отряд Ефима Михайловича Гурьяна. Отряд ждал сигнала от регулярных частей Красной Армии, чтобы совместно ударить по вражьи частям. Томительным было ожидание. У вояк чесались руки, кончалось терпение. Больше всех неистовствовал Цезарь. Этот рубака стал называться Цезарем после того, как ему попал томик древней истории, который стал его любимой походной книжкой. Из нее пришло имя Цезарь и стиль его поведения.

— Не наступают...— ворчал Цезарь.

— Что ж делать,— заметил Гурьян.

— Был бы здесь Ленин, он бы знал, что делать...

— Я тоже жалею, что Ленина здесь нет. Он бы тебе показал, как буйнить.

Цезарь приподнялся:— Ну, нет, Гурьян, я Ленина знаю. Он бы сел на коня вороного, шашку на-голо в одну руку, наган — в другую, да гикнул бы, гикнул: „Соколики, за мной!“ И помчались бы мы до Средиземного моря, не кормя коней. А потом привал. Баня. И на вторую полушарию опять не кормя...

— Видел ли ты еще Ленина-то,— перебил Цезаря молоденький белокурый партизан.— Разве он такой? Он же тихий. Ходит в сапожках... С галошами, конечно. Не простые же сапоги выдадут Владимиру Ильичу. Он ходит в рубашке, как вот у меня... Только, конечно, шелком шитая... Его китайцы очень любят... Они ему задаром шелку навезли. Ну, поясок, конечно, с золотыми кисточками. Ленин не пьет, не курит. Он из учительского звания...

— Ты его видел?— насмешливо спросил Цезарь...

— Не видел,— ответил паренек,— в народе так говорят и я...

— Ой, ой, ой...— вмегался уфимский татарин.— Я Ленина лучше всех знаю.

— А ну, Ахмет, расскажи, расскажи...— татарина попросили в центр круга. И он вдохновенно начал:

— Бога он не любит. Царя не любит. Татар любит, башкир любит. Всех любит. Голова у него бритая, рост низкий, глаз узкий, а сам русский. Чай пить сядет — все сядут. Казбеки, французы, вятские, тульские — все. А он читает и говорит: „Татарин хороший, казбек хороший, русский тоже хороший“. Все народы на одном ковре чай пьют! Я с ним чай пил. Он меня научил весь народ любить. Вот какой дорогой товарищ Ленин.

— Политически — да, но в смысле чай пить — липа! — заметил Абрам Кушнырь.

В центр круга вышел старый крестьянин Эмитрук. Расправив седую бороду, он начал:

— Зря Ахмет нашего Ленина в магометанском виде обрисовал. Это неверно. Он в лапотках, он в свитке белой с котомкой в мир пришел. Пришел и гласом великим сказал: „Вся власть Советам!“

— Ты его тоже видел? — спросил Кушнырь.

— Видел, — решительно ответил старик. — Как живого помню... Он мне во сне явился и рек: Змитрук, оставь дом твой, и скот твой, и житницы твои, и иди в лес и подыми топор свой на супостатов твоих. Вот я и пришел тремя деревнями. И не будет пощады ни одному врагу, потоптавшему нашу священную землю...

Сидевшая в стороне девушка-партизанка, по прозвищу Обида, поправив на себе пулеметную ленту и уставившись на Змитрука, тихо начала излагать свою точку зрения.

— Я Ленина, конечно, не видела. Врать не буду. Но читала. Перво-наперво с христом в нем похожего... ну, ничего! Ленин — гора, огнем дышащая, огнем ненависти. Он в каждой строчке учит ненавидеть тех, кто мучил нас, кто меня Обидой безотцовской заставил жить на белом свете. И его слова пулями стали. Огненные слова. А к нам он очень даже добрый. Я вот съезжу к нему, как война кончится. Отчества попросить. Меня Владимировой будут величать. Мы ведь в общем-то все Владимировичи. Да-а... Он, мне думается, тоже по матери фамилию имеет. Мать-то у него Ульяной звали. У него нет определенной фамилии. Он и в книжках в своих подписывается, когда Ульянов, когда Ленин, когда Сталин.

— Что-о? — вскочил Абрам Кушнырь. — Ленин и Сталин — это же двое. Два брата. А было их три. Старшего, Александра, казнили за революцию. Владимир и Иосиф стали скрываться. Один под фамилией Ленин, другой под фамилией Сталин. Где забастовка, тут они, где собрание — они. Грамотные оба, страх! Решительные — на диво. Ленин и Сталин — обыкновенные рабочие... Вы что? Мой брат тоже рабочий. И в гостях у них бывает. Пьет с ними чай. Уж я-то Ленина и Сталина лучше всех знаю...

Анна Крюкова, городская подпольщица, прервала Абрама.

— Товарищи, — начала она. — Ленин и Сталин — это... — ее руки воспроизвели жест, выражающий понятие необъятного. Нужных и простых слов не находилось сразу. Тут снова поднялся Цезарь.

— Понятно, Аня, ты хорошо объяснила, — и обратился к начальнику отряда: — Гурьян, ты должен Ленина знать. Ты его лично видел. Я тоже видел, но издали. Скажи, Гурьян, кто из нас правильнее Ленина понимает, кто из нас лучше Ленина видит?

Гурьян прошелся по полянке, глянул в десятки партизанских глаз. Он подумал: если бы все эти отображения соединить в одно, то получился бы живой, настоящий великий Ленин.

— Так вы, товарищи, спрашиваете, кто лучше Ленина видит? Кто правильнее его понимает? Мне думается, что все хорошо видят Ленина и все правильно его понимают.

Партизаны облегченно вздохнули.

РАССКАЗ МАШИНИСТА

Б. РОМАШЕВ

В просторной палате госпиталя было светло и тихо. В большие окна глядело осеннее солнечное утро. С улицы доносился звон трамваев, и по небу плыли облака, похожие на комья снега.

Машинист Самохин с забинтованной головой лежал на койке у самого окна. Его смуглое, заросшее бородой лицо с седыми усами заулыбалось всеми морщинками, когда он увидел помощника машиниста Олю Гаврилову и кочегара Петю Тихохода, входивших в палату. Маленькие глазки его сощурились и оживились. Он даже пробовал приподняться, но только крикнул и выпростал из-под одеяла забинтованную руку.

— Ну, вот, — сказал машинист, улыбаясь, когда гости подошли к койке и уселись рядом, — пришлось-таки повидаться... Спасибо вам, что пришли... Думал, что и не свидимся.

— Зачем вы так говорите, дядя Федор! — смущенно пробормотала Оля, невысокая, коренастая девушка со стриженной головой, и даже покраснела чуть-чуть. — Мы еще с вами ездить будем. Вот поправитесь — нас к себе в бригаду возьмете. Верно я говорю, Петя?

Тихоход слегка кашлянул, и его юношески-свежее, загорелое лицо расплылось в улыбку.

— Мы, Федор Иванович, привет вам принесли от всего нашего депо, — сказал он, наклоняясь к машинисту. — Старики вам табакку прислали.

— А девчата варежки и жилетку вязаную, — прибавила Оля.

И они положили на столик подарки. Самохин попросил Олю вернуть жилетку и долго смотрел на нее, слегка покачивая головой.

— Ну, скажи, пожалуйста, — говорил машинист, растрогавшись, — спасибо, детки... Ишь ты жилетка какая... Цветами разукрасили. Сама, небось, вязала?

— Расшивала я, верно, — сказала Оля, — а вязала старушка одна, Ефрема Сидоркина бабушка. Помните Сидоркина, дядя Федор?

— Как не помнить. Смазчик?

— Он самый.

— Уважили старика... — И Самохин помолчал, задвигая усами. — А только ездить нам с вами, кажись, больше не придется. Если бы не гады проклятые, может, еще и поездил бы... А только, думаю, что не придется... Прострочил меня немец проклятуший... Ну, и мы ж ему всыпали. Будет помнить...

— Мы про вас в газете читали, — сказал Тихоход.

— А чего там прописано?

— А вам разве не показывали? — спросила Оля.

— Приходила сестричка, читала что-то, а я, признаюсь, толком не разобрал... Голова у меня гудит.

— Там про вас все рассказано, — оживленно сказала Оля, — у нас все вас героем зовут. Там и портрет ваш тоже.

Самохин ее перебил, сдвинув лохматые, седые брови.

— Ну, и брешут. Нашли тоже героя... — сказал он недовольным тоном. — Службу я справно знаю, это верно, а герои, Олечка, это те, что в сражении идут на врага... Какой же я герой? Чудаки.

— А разве вы с самолетами вражескими не сражались? — спросил его Тихоход, словно собирался поспорить со стариком. — Состав под огнем не вели? Он вас бомбит, а вы под обстрелом едете. Одна пуля вам в плечо угораздила, а другая фуражку пробила. Было все это?

— Ну, было, — буркнул Самохин, — что ж с того?

— Тендер осколком снаряда свернуло на сторону, — продолжал Тихоход убеждать старика, — а вы регулятора не оставляли.

— А как же я могу его оставить, Петя, рассуди сам: должен я боеприпасы доставить к месту назначения?

— Об этом я и говорю, — добавил кочегар и поправил светлую прядь волос, упавшую на лоб.

— Не я один был ранен, — помолчав, сказал старик: — и кочегара Тимохина ранило, и Сережу, помощника. Всех нас угостил. Как почал кружить, а за ним другой, третий... Ну, погоди, думаю, я тебя перехитрю. В лесок заехал, а уж почти стемнело, пар выключил и стою... А он бросает свои гостинцы, да все не туды. Не видать ему, что ли... А потом, значит, улетел. Я как из лесу выскочу, ну и дал скорость. Глянул из окна — вертается один. А тут станция недалеко. Как подъезжали к станции, наши зенитки по нем бить стали... Ну, и сбили.

— А летчика в плен взяли? — спросила Оля.

— На парашюте прыгнул. Ну, его, конечно, захватили. Дрожит, гад, глаза, как у волка, бегают. С виду молоденький, щуплый. Что, думаю, фашистский ублюдок, перехитрить меня вздумал?.. Машиниста, брат, не перехитришь, который службу справно знает... Только, значит, одного сбили, а за ним другие на станцию налет делают, да... А тут как раз эшелон стоит, а паровоза нет. Их-то отогнали, а эшелон выводить надо. А у него, у немца, такая привычка есть: сперва один прилетит, а потом двое, а потом стаей... Меня было в перевязочную направили, а на что мне та перевязочная, когда меня ребята наши уже перевязали. Я к коменданту: так и так, товарищ начальник, докладываю, а только времени терять нельзя, тут каждая минута на учете. Разрешите, говорю, мне состав с ранеными вывезти. Теперь, говорю, затемнело, и я так проведу, что ни один стервятник не заметит... А он мне отвечает: Верно, товарищ машинист, терять времени не годится, но только как вы есть раненый, то вам надлежит явиться на медицинский пункт. Что за канитель, думаю! Или, может быть, он во мне сомневается. Я опять говорю: Вести в настоящий момент состав некому, а пока вызовут паровоз, драгоценное время пропадает. А что касается моих ран, товарищ начальник, то в этом эшелоне больше сотни раненых бойцов, и мне совесть не позволяет оставлять их в таком положении... Он, значит, подумал-

подумал. Ну, хорошо, говорит, товарищ машинист, цепляйте ваш паровоз и увозите из зоны обстрела эшелон с ранеными. Если самочувствие ваше надежное, выполняйте приказ... Знаете, детки, как услышал я эти слова, никогда у меня такой радости на душе не было... А Сережка мне говорит, помощник мой, значит: Ничего, дядя Федор, мы, если что, вас заменим. Я даже на него рассерчал, честное слово. Тебе, говорю, курносому, меня заменять не придется, ты за своей раной смотри. А ему ногу пулей пробило, но перевязался, дьявол, так что и не скажешь, что раненый, только на ножку припадает... А Тимохин, тот и того меньше, пустяками отделался. Ну, я взял, значит, тот состав...

Самохин откинулся на подушку и замолчал.

— А вы не волнуйтесь, дядя Федор,— тихо сказала Оля, наклонившись к старику.— Вам говорить много вредно.

— Да чего там вредно,— ответил, вздохнув, машинист,— это в очах у меня, Олечка... С той поры иной раз потемнеет, а потом словно пламя в топке...

— Мы в газетах читали, дядя Федор,— сказал Тихоход, посмотрев на Олю,— мы знаем, что дальше было.

— Нет, Петя, в газете того не расскажешь, что душа человеческая переживать может,— возразил ему машинист и попробовал приподняться.— Подсунь мне, Олечка, подушку под голову... Вот так... Подвел я паровоз к составу, а тут снова тревога... И дождь откуда ни возьмись. Ну, я фонари потушил, и вывожу... А там у стрелочного поста Галя Федорова находилась. Да ты ее, Оля, верно, знаешь?.. Востроносенькая такая, сцепщика Федорова дочка... Тут содом поднялся на станции, передать невозможно. Зенитки наши бахают, а он, сукин сын, пикирует и все норовит на эшелон сбросить... Галя баланс перевела, а я тихо-тихо веду, а потом как бабахнет где-то рядом... паровоз закачался, а у меня в очах потемнело... Я, значит, задний даю, а Галя мимо меня бежит, а потом, как заяц, перевернулась. Это ее волной, значит, отбросило. Ну, думаю, жаль дивчину... А он уже в другом месте бросает. Но только через некоторое время подбегает к паровозу Галя. Лица на ней нет, а левая рука платком замотана — осколком ее задело. Подбегает к паровозу и кричит: Дядя Федор... Я сейчас до той дальней стрелки побегу, она поставлена неправильно... Я добегу, дядя Федор, и вам сигнал дам... А там как раз цистерны стояли в тупике. Вот какое дело... Как она добегала, не знаю, но только действительно слышу — тихо-тихо она мне рожком сигнал дает, значит, дело справила... Да, Галя Федорова, востроносенькая такая. Годков ей семнадцать... Скажи, пожалуйста: тут такое творится, фугасные шлепают, а она соображение имеет, что я могу напороться на цистерны... И так мне эту Галю жалко стало, и так сердце за нее порадовалось... Как проходили через стрелку, вижу, стоит моя Галя, рукоятку баланса держит... Сама бледная, как молоко, а глазенки горят... Я ей кричу: Держись, Галя, держись, голубка... А она мне отвечает:

Держусь, дядя Федор... Держусь... А рядом полыхает, бараки загорелись. Народ туда бежит... Вот это, товарищи дорогие, можно сказать геройская дивчина... А ты говоришь, я герой... Ну, какой же я герой?.. Службу справно знаю, это верно. И то сказать, скоро тридцать лет, как ежу...

— Больше вас не бомбили, дядя Федор,— спросил кочегар,— как со станции вышли?

— Как я вышел со станции, такую, брат ты мой, скорость набрал... Ну, он, конечно, летает... Не дам, думаю, гадам проклятым раненых бойцов в обиду. А у самого жар, что ли, в голову ударяет, или за Галю я очень растревожился, только иной раз будто туча на очи набегаёт... Ну, он, конечно, еще крутился над головой, по тендеру дал очередь, одна пуля оглашенная в будку залетела... На-днях ее у меня вынули... А только регулятора Федор Самохин не оставил и эшелон увел.

— Вот то-то и есть, дядя Федор,— улыбаясь, сказал Тихоход.— В этом оно и заключается... Правильно, значит, пишут...

— Да ты постой, Петя. Какой же я был бы машинист, если бы немцу уступку сделал?.. Что ж бы я своему Николке сказал? Мой Николка в артиллерии с первого дня войны, наводчиком... И ничего тут такого нет. Каждый бы на моем месте так поступил... Кто службу знает... Старуха моя даже убивалась,— улыбнулся Самохин, и сморщенное лицо его осветилось добродушной усмешкой.— Продырявили, говорит, тебя изверги, как решето ты стал... Ничего, говорю, мать, мы за свое стоим, за кровное, и крови нам не жалко... Заживет, говорю...

И Самохин снова закрыл глаза. Оля и Тихоход поднялись, собираясь уходить. Машинист очнулся, посмотрел на них, а потом зажмурил глаза, и по его морщинистой щеке покатились слеза... И он, словно сам устыдившись своей слабости, сердито задергал усами и, улыбнувшись, прищурил правый глаз...

— Вместе, значит, ездите... Ты, Петька, смотри — Олю не обижай... А то я тебя, брат ты мой...

— Я, дядя Федор, слово вам даю, как комсомолец,— сказал кочегар,— буду так же, как и вы, службу нести... И немцу мы за вас отомстим... Слово вам даем. Верно, Оля?

— Не сомневайтесь, дядя Федор,— сказала Оля, вскинув голову, и лицо ее наполнилось решимостью, и глаза заблестели.

— Надо службу справно нести, детки,— сказал наставительно Самохин и сдвинул мохнатые брови.— Каждый должен на своем посту стоять до последнего... А если Галю увидите,— оживился он,— передайте ей, что Самохин, машинист, кланяется... Держись, мол, Галя... Как она справно службу несет, а с виду неказистая... Востроносенькая такая... А глазки, как цветочки полевые...

АКТРИСА

М. МАРИЧ

В колхозном клубе шла генеральная репетиция концерта самодеятельности.

Счетовод Миша Гуляев очень гордился тем, что нарисованная им афиша заслужила общее одобрение. Особенно нравилось всем подкрашенное синькой небо с вереницей летящих самолетов.

Лучшим номером программы было выступление Гали Ковалько, телефонистки колхозного почтового отделения.

Всякий раз, когда Миша смотрел на нее, слушая ее вдохновенное чтение, на память ему неизменно приходили пушкинские строки:

„Вокруг высокого чела,   Звездой блещут ее глаза;
Как тучи, локоны чернеют.   Ее уста, как роза, рдеют.“

На генеральной репетиции Галя была в особом ударе. Откинув со своей красивой головки белый шарфик и протянув руки к распахнутым окнам, она декламировала свежим, полным проникновенной печали голосом:

„Простите вы, холмы, поля родные;   Вам без меня и цвести и доцветать...
Приютно-мирный, ясный дол, прости...   Надеть должна ты латы боевые,
Друзья-луга, древа, мои питомцы,   В железо грудь младую заковать...“

— Хорошо, очень хорошо, — одобрял девушку руководитель драмкружка и, наклонившись к секретарю комсомольской организации, взволнованно шептал: — У нее, батенька мой, настоящий талант. А глаза, глаза. Такие глаза я видел только у Ермоловой.

„С кем договор? Ни слова о покорстве!..
Могучий враг падет. Исполнилось!
Для жатвы он созрел. Не трепетать! Вперед!“

Сурово и гневно декламировала Галя, и всем, кто ее слушал, начинало казаться, что перед ними не колхозная телефонистка Галя, а воспетая Шиллером Орлеанская дева.

— После войны обязательно пошлем ее в театральное училище, — заявил секретарь комсомольской организации.

„А как же я тут без нее останусь? — с тоской подумал Миша. — Но, может быть, до тех пор я сделаю что-нибудь такое, за что и меня пошлют в Москву“, — обнадежил он себя.

Прежде чем разойтись, Мишу заставили исполнить его „номер“ художественного свиста. И хотя Миша был очень взволнован, но и на этот раз его свист отличался таким мастерством, что трудно было отказать от мысли, что в горле у него не поет настоящий соловей.

А в день, назначенный для концерта, все изменилось. Миша сидел на чердаке одной из хат, уцелевших в сожженном фашистами селе. В отверстие, осторожно раздвинутое в почерневшей от

времени камышевой крыше, ему видна была нарисованная им афиша, наклеенная у входа в колхозный клуб.

Перед афишей, широко расставив ноги в желтых крагах, стоял фашистский офицер. Из-под похужей на опрокинутый котелок каски виднелась его багровая короткая шея.

— Карл Цикмунд! — призывно взмахнул стэком офицер.

Тоший солдат вытянулся перед начальником. Указав на афишу, офицер отдал краткое приказание. Хотя Цикмунд и был в батальоне знатоком русского языка, афишу он перевел с трудом.

— Здесь есть концерт „замодеятельность“. Юноши и молодые девушки, вот этот и этот, — солдат тыкал пальцем в фамилии на афише, — намеревались читать Пушкина, Маяковского и Шиллера.

— Шиллера? — гаркнул офицер. — Советский мужик читает Иоганна-Фридриха Шиллера, — мотая головой, сквозь смех говорил он, — ко-ло-ссаль! Это будет очень интересно слушать...

И повернувшись к Цикмунду, офицер что-то приказал ему. Стукнув каблуками подкованных сапог и отдав честь, солдат замаршировал к почтовому отделению, хорошо видному Мише.

Подойдя к двери, солдат громко позвал:

— Фрейлен Галья Ковалько! Битте зер. Выходит и следовайте за мной. Аббер шнеллер, скоро.

Галья, белая, как накинутый поверх ее черных волос шарфик, показала на пороге. Тогда Миша все понял...

В один миг он очутился в противоположном конце чердака. Там, в затуном густой, липкой паутиной углу, в куче какой-то рухляди Миша хранил заветные „лимонки“, которые взял у брата-партизана, когда тот уходил из села. „Авось понадобятся“, — подумал тогда Миша, уже приняв твердое решение не покидать села до тех пор, пока Галья не оставит своего поста у телефонного аппарата. А Галья до последнего момента поддерживала связь между частями Красной Армии и не успела покинуть село, куда ворвался вражеский отряд.

Скрываясь в погребах, на огородах и чердаках, Миша зорко следил за штабом врага, разместившимся в колхозном клубе.

Через бабку Кузьминиху, такую умную и хитрую, какие бывают только в сказках, Миша передавал нужные сведения партизанам. Через нее же ему удалось сообщить Гале, что он, Миша, находится в селе и „в случае чего“ — будет знать, что делать.

И вот страшная минута наступила. Граненый чугун „лимонка“ тускнел в горячих мишиных ладонях. Перенеся все гранаты к своей позиции у отверстия крыши, Миша осторожно заглянул в него.

Офицер, покачиваясь с каблуков на носки, смотрел в бинокль на приближающуюся к нему в сопровождении Цикмунда Галю.

— О-о, — протянул он и стал крутить свои прокопченные табачным дымом усы. — О-о-о, — повторил он еще многозначительнее, когда Галья остановилась от него в нескольких шагах.

Через Цикмунда он велел ей прочесть то, что она собиралась исполнить на концерте.

— Но я никак не могу вспомнить, — отрицательно покачав головой, ответила Галя, с трудом шевеля бескровными губами.

Офицер, нахмурившись, проговорил несколько отрывистых фраз.

— Герр обер-лейтенант приказывает, фрейлен Галья, — стал переводить Цикмунд, — подчиниться его требованиям. Герр обер-лейтенант есть недоволен, когда он должен повторять их еще один раз...

Галино лицо залилось румянцем, потом снова побледнело так, что темная родинка над губой казалась угольно-черной. Миша отшатнулся от отверстия. И в наступившей тишине прозвучала робкая, но звучная трель, какую соловей начинает предрассветное пение. Едва заметная радость скользнула по галиному лицу.

— Айн, цвай, драй, — отсчитывал удары стэком по скамье обер-лейтенант.

Галя выпрямилась и, подняв на фашиста потемневшие от ненависти и презрения глаза, начала декламировать:

„Но кто вас звал на нашу землю — истреблять
Цветущее богатство нив, нас из домов
Семейных выгонять и пламенный войны
Вносить в спокойное святилище градов?..“

Обер-лейтенант, словно готовясь к прыжку, всем корпусом наклонился к девушке.

„Противен ты душе моей, как почва,
Которой цвет ты носишь; истребить

Тебя с лица земли неодолимо
Влечет меня могучее желанье“,—

с силой бросила Галя.

— Перевести своему офицеру, — неожиданно приказала она Цикмунду.

Солдат не решался.

— Ну! — рявкнул обер-лейтенант.

Когда Цикмунд старательно перевел эти шиллеровские строки, офицер молча указал солдатам на Галю, потом на себя и, наконец, на избу, в которой он жил со времени захвата села.

Стало так тихо, что Миша слышал биение собственного сердца.

И вдруг эта зловещая тишина нарушилась соловьиным свистом, да таким залихватным и звонким, что немцы, как по команде, повернули головы, отыскивая виртуозного певца.

Воспользовавшись этим, Галя опрометью ринулась в сторону.

И в тот же миг возле скамьи, где стояли фашисты, одна за другой начали рваться меткие мишины „лимонки“.

Когда спустя некоторое время на грохот разрывов со всех концов села сбежались немецкие солдаты и офицеры, грузная туша обер-лейтенанта лежала ничком рядом с мертвым Цикмундом и еще несколькими убитыми и ранеными фашистами.

А в глубине лесной чащи Миша Гуляев торопливо пробирался вслед за мелькающим в густой листве белым шарфиком.

ВИНОГРАД

С. ЛЮМ

О том, что в нашей квартире появились новые жильцы, я узнала от Вовы Синицына.

— К нам в столовую эвакуированный штатик пошел, — сказал Вова, кусая ломтик хлеба, густо посыпанный сахарным песком. Белые песчинки прилепились к его губам и к кончику носа. — Дочь у него в госпитале работает, а он чудной какой: шмотрит и ничего не видит. Шлепой он, — объяснил Вова.

Он был лучше всех осведомлен о событиях в квартире. Его так и звали „Вова-почта“.

В столовой я увидела старика. Он сидел на кровати неподвижный, положив худые руки на серое одеяло. Его крупная седая голова на жилистой шее была наклонена вперед, а лицо собрано так, словно он рыдал беззвучно, глухо, сжав губы, как плачут старики. Услышав шаги, он беспокойно зашевелил пальцами рук, подняв голову. И тогда его крупный, резко очерченный профиль показался мне страшно знакомым.

„Кто же это? — спрашивала я себя. — Когда и где я встретила этого человека?“ Нет, я ничего не могла вспомнить, только как-то сразу памятно запахло виноградом.

Вечером из госпиталя вернулась дочь старика. Я слышала, как она гремела за перегородкой судками, кормя старика принесенным обедом, и о чем-то рассказывала ему. Голос ее, громкий, немного растянутый, с украинским акцентом, напомнил мне что-то давнее, хорошее: залитую солнцем степь, светленький домик на виноградниках и приветливую хозяйку на пороге дома...

И вдруг я вспомнила все: тихая, красивая осень в Крыму. На широкой, свежее-выкрашенной арбе чернородый старик-еврей везет меня на виноградники. Он сидит, спустив с телеги ноги, с кнутовищем в руках. Бронзовый, крепкий его затылок чуть припудрен пылью.

— Вье! Вье, молодцы! — покрикивает он на гладких гнедых своих лошадок, и те весело бегут, позванивая привешенным к телеге ведром. Иногда он поворачивается ко мне и, пересыпая речь свою мудрым народным юмором, рассказывает о своей новой жизни на земле: о первых сомнениях, о труде, о богатстве.

— Земля наша, уж поверьте вы Иосифу Киржнеру, земля наша, как хорошая женщина: она хочет, чтобы ее любили. И это, доложу я вам, самое главное. Полюбите землю, и сразу у вас силы прибавится. Поверьте вот этим рукам! — приглашает он в свидетели свои большие, жилистые, энергичные руки, темные от труда и солнца.

Виноградники обступают нас правильно графлеными линиями. Тяжелые гроздья подпирает густой частокол белых деревянных колышков. Красивый юноша со смуглым лицом, обласканным крым-

ским солнцем, возится у куста, подпирая склоненную от собственной тяжести лозу.

— Мое потомство — Киржнер младший, — говорит старик, кивнув на юношу с ласковой усмешкой. Он идет по винограднику, высокий, негнувшийся старик, достает из штанин большой складной нож, привязанный на веревочке к карману, и медленно, почти нежно приподнимает тяжелую кисть винограда. И в жесте его честных, натруженных рук, протягивающих мне большую, похожую на перевернутую пирамиду кисть, чувствуется, что дает он какую-то часть самого себя и дает ее от чистого сердца.

— А ну, покушайте-ка!

Виноградины висят крупно, густо, тронутые дымчатым налетом, и все же прозрачные настолько, что виднеются темные пятнышки зерен. Я снимаю губами одну, и сразу весь рот заполняется ароматной, водянистой мякотью...

У дома нас встречает дочь хозяина — Софья Киржнер. Она несет из коровника ведро, доверху полное пенистым парным молоком. Вечером она готовит в русской печи творожные пельмени, и, пока закипает вода, она, сладко закрывая глаза и прищелкивая пальцами, подпевает вывезенному из местечка Хмельника граммофону:

Ой, Джанкой,
Мой Джанкой.

И старик Киржнер, держа на коленях внучку, рыжую, похожую на мальчика, девочку, подпевает ей без слов, вкладывая в песню всю радость долгожданного счастья.

— Иосиф Киржнер — большой организатор, — сказали мне в области. — Иосиф Киржнер — трудолюбивый хозяин.

Как же изменился старик теперь! Отчего он ослеп? Где его внучка, рыжая, веселая девчурка? Очень хочется обо всем узнать, расспросить, но мне как-то неловко. Я боюсь растревожить горе этих людей.

Утром я встретила Софью Киржнер. Я сразу узнала ее красивый рот и черные глаза, сейчас тронутые грустью. Резкие, трагические складки легли у губ. Она рассказывает скупно.

— Был солнечный полдень. Налетели немцы. Девочку убили. Отец был на пасеке, когда упала бомба. Осколками раздробило ему ноги, ранило голову. Слепшего она увезла на далекий Урал... Нет, она ни в чем не нуждается. Только возла старик... — говорит она извиняющимся, грустным голосом.

Она уходит вскоре, напоив отца чаем и заботливо укрыв его до плеч одеялом. Старик остается один. По целым дням он сидит молча и только иногда, услышав детские шаги по столовой, спрашивает, который час.

— Мать придет скоро ш работы и будет шемь чашов, — отвечал Вова, сопя и примеряя к груди вырезанный из журнала орден.

Старик не видел ни морозного узора на окнах, ни светлого пара над самоваром, ни голубых искр от проходившего за окном трамвая. Когда-то такой живой, энергичный, трудолюбивый, он

сейчас сидел неподвижно, чуть вытянув шею и сжав рот и скулы так, словно внутри его рвались рыдания, немые, безголосые, старческие рыдания.

Мне хотелось положить ему руку на плечо, напомнить солнечные виноградники Джанкоя, утешить его, но я боялась подойти, заговорить. Я боялась, что он не выдержит, что он зарыдает.

Однажды по радио передавали сводку Информбюро.

«... Красноармеец Энского пехотного полка (Южный фронт),— передавал диктор,— герой Исаак Киржнер один убил семнадцать фашистов и уничтожил гранатой вражеское пулеметное гнездо...»

— Слушайте! Кто там есть?— потрясенно закричал из столовой старик.— Соседка, вы здесь? Вы слышали? Это же мой сын! А? Передали же: Южный фронт, Исаак Киржнер,— кричал взволнованно, точно не веря самому себе, старик и судорожно сжимал одеяло у своей груди...

— Это мой сын! Моя кровь! Красноармеец-герой Исаак Киржнер убил семнадцать фашистов!— кричал старик, захлебываясь, скороговоркой.— Вы что думаете, это шуточки? Не жить им на нашей земле. Это наш Джанкой, наш виноград, выращенный вот этими руками, руками детей Киржнера. Ничего, я и слепым смогу. Пока руки действуют, буду копать. Я землю свою лучше зрячего знаю. А какой у нас виноград, какой виноград— одна кисть пять кило— вот такой величины!— поднимал он руку с опущенными книзу и собранными в пучок пальцами так, точно он держал на весу тяжелую кисть. И жест у него был такой, словно он сноба протягивал ее мне от всего сердца.

В сразу распахнувшуюся дверь ввалился Вова. Мороз покрасил его щеки, валенки его были в снегу. Он уже на ходу начал было свою уличную новость:

— Жараж танкетки как помчалишь...— Но вдруг осекся.— Тетя Аня, ты плачешь?

— Нет, я не плачу,— обнимала я Вову, прижимая свою щеку к холодному красному от мороза личику,— я не плачу,— повторяла я, пряча свое лицо.— Мы с тобой поедим вот к этому дедушке в Джанкой. Там такой виноград большущий, ароматный, вкусный.

— Я жderовo люблю виноград,— сказал Вова, притихший и грустный.

Повернув лицо к нам и не видя нас, старик взволнованно улыбался. И лицо его было освещено каким-то ясным внутренним светом, словно его озаряло далекое крымское солнце.

МЕЧТА ЕФРЕЙТОРА ДОППЕЛЯ

МАТВЕЙ РОЙЗМАН

Ефрейтор Фриц Доппель почувал, что ему не унести ног с советской земли. Бандит струсил и решил спасти свою шкуру. Он прострелил себе руку, его отправили в госпиталь и вылечили. Главный врач разрешил ему съездить на три дня к родным. Ефрейтор ехал и мечтал о том, что дома получит хороший кусок мяса, которого не видел даже в госпитале...

Не успел Фриц открыть дверь, как попал в объятия тещи фрау Гильды. Закрыв глаза, он расцеловался с ней, потом с кислой улыбкой чмокнул в рыжие усы тестя, господина Карла-Иоганна Фолькмана, и, наконец, прижал к груди свою Гертруду. Ефрейтор вынул из рюкзака награбленную скудную добычу. Он надел на руки шерстяные носки, на голову — капор на вате, натянул на себя женскую жакетку и сказал:

— Вот в таком виде мы, „полк Адольфа Гитлера“, воевали с русскими.

— Ты хочешь сказать: бежали от русских? — поправил его господин Фолькман.

— О, мой бог! Счастье, если удастся бежать! Это раньше мы сажались в засаду и били убегающих от нас жителей по команде! Теперь жители садятся в засаду и бьют нас без команды!

Гертруда вынула из шкафа подарок — мужской синий костюм — и подала Фрицу. Он переоделся. Фрау Гильда поставила на стол тарелку с ломтиками голландского сыра и кружки с пильзенским пивом.

— Дайте мне кусок мяса! — попросил ефрейтор.

— У нас был приготовлен для тебя роскошный эрзац-шнитцель-клопс. Но вчера папа стал им забивать гвоздь, и шнитцель рассыпался в порошок.

Фриц взял кусок сыра, хотел откусить.

— Что за чорт? Тверже камня!

— Он и есть из камня, мой любимый! Мы его и едим с прошлого года! Практично и гигиенично. Арийские ученые говорят, что важно не есть, а выделять желудочный сок!

Фриц только промывчал в ответ. Взял кружку пива, понюхал и отодвинул подальше. Это было эрзац-пиво, употребляемое для дезинфекции арийского рта. Ефрейтор попросил табаку. Господин Карл-Иоганн Фолькман приоткрыл дверь, посмотрел вокруг. Отвинтив ножку кресла, он достал коробку папирос. Фриц получил папиросу и коробок эрзац-спичек. Он чиркнул спичкой осторожно, чтоб искра не попала на его новый костюм. И все-таки головка спички отскочила и упала на брюки. Ефрейтор хотел смахнуть ее рукой, но брюки уже вспыхнули, горели. Фриц бегал по комнате, кричал. Господин Фолькман выплеснул на зятя кружку эрзац-пива.

Ефрейтор запылал, как смоляной факел! Фрау Гильда поспешно раскрыла окно, под которым стояла огромная бочка с водой для тушения зажигательных бомб. Фриц прыгнул из окна в бочку...

— Слава богу, мой любимый!— говорила Гертруда мужу.— Этот костюм шит из эрзац-сукна. В нем три четверти чистой древесины. Ты мог бы весь сгореть, и от тебя осталось бы одна запонка!

Фриц охал и стонал. Его увезла карета скорой медицинской помощи. У подъезда больницы то и дело останавливались кареты со стариками и старухами. Ефрейтора, лицо которого было закрыто простыней, положили на носилки. В общей сутолоке его пихнули в ту же подъемную машину, что и стариков. Когда ночью он пришел в себя, то увидел, что лежит на койке в большой палате. Вокруг него покоились старики и старухи. Изголодавшийся ефрейтор сказал:

— Может быть, здесь, наконец, приготовят мне кусок мяса!

— Да, здесь приготовят не один кусок!— с горечью ответил старик-сосед.— Главный врач приказал, чтобы всех лежащих в этой палате умертвили, впрыснув в вену воздух.

У ефрейтора волосы стали дыбом. Он соскочил с койки, налег плечом на дверь,— она не поддавалась.

— Есть отсюда еще выход?— закричал он.

— Отсюда один выход — на тот свет!— ответил ему тот же старик.

Фриц, прошедший на фронте школу налетчиков, бросил графин в люстру. Мгновенно в палате стало темно. Старики и старухи завывали в один голос. Дверь отперли, вошла старшая сиделка. В темноте ефрейтор выскользнул из комнаты и по фронтовой привычке бросился со всех ног удирать.

— Старики и старухи прыгают в окно!— кричал он.

Больничные служащие стремглав понеслись в палату. Фриц схватил с вешалки пальто — какое подороже — и выскочил на улицу.

Он подбежал к своему дому в тот момент, когда Гертруда выходила из подъезда под-руку с толстым гестаповцем.

— Моя дорогая!— воскликнул Фриц.

— Прости, мой любимый!— ответила Гертруда.— Сегодня пятница. Я ухажу на брачный пункт. Разрешите тебя познакомить. Это мой эрзац-муж!..

Фриц ударил гестаповца ногой в живот. Эрзац-муж упал и дернул ефрейтора за ногу. Оба бандита катались по тротуару, били друг друга, царапали. Гестаповец вырвал у Фрица из головы клочок волос. Ефрейтор изловчился и откусил у гестаповца правое ухо. Эрзац-мужа увезли в клинику. Шудманы барабанили Фрица своими дубинками, требуя, чтобы он выплюнул ухо гестаповца. Но ефрейтор „полка Адольфа Гитлера“ крепко стиснул зубы. Это был единственный кусок мяса, который ему достался в родном городе.

СТИХОТВОРЕНИЯ

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

А. Пушкин

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?— волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный
судьбою,

Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?

Славянские ль ручьи сольются в русском
море?

Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,

Что на развалинах пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли

Того, под кем дрожали вы?

За то ль, что в бездну повалили

Мы тяготеющий над царствами кумир,

И нашей кровью искупили

Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах—попробуйте на деле!

Иль старый богатырь, покойный на постеле,

Не в силах завинтить свой измайловский

штык?

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной

Колхиды,

От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

СЛАВЯНАМ

Ф. Тютчев

Они кричат, они грозятся:
„Вот к стенке мы славян прижмем!“
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть — стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать,
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали,
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой;
Она не то, чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой...

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их,—
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

РУСЬ

И. Никитин

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!
У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?
У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?
Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?
На полях своих
Под курганами
Положила ты
Татар полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.
И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань,—
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь,—

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глуких степях,
Под сугробами
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

БАРАБАННАЯ ПЕСНЯ

В. Маяковский

Наш отец — завод.
Красная кепка — флаг.
Только завод позовет —
руку прочь, враг!

Вперед, сыны стали!
Рука, на приклад ляг!
Громи, шаг, дали!
Громче печать — шаг!

Наша мать — пашня.
Пашню нашу не тронь!
Стража наша страшная —
глаз, винтовок огонь.

Вперед, дети ржи!
Рука, на приклад ляг!
Ногу ровней держи!
Громче печать — шаг!

Армия — наша, семья.
Равный в равном ряду.
Сегодня солдат я, —
завтра полк веду.

За себя, за всех стой. —
С неба не будет благ.
За себя, за всех в строй!
Громче печать — шаг.

Коммуна, наш вождь,
велит нам: напролом!
Разольем пуль дождь,
разгремим орудий гром.

Если вождь зовет,
рука, на винтовку ляг.
Вперед, за взводом взвод!
Громче печать — шаг.

Совет — наша власть.
Сами собой правим.
На шею вовек не класть
рук барской ораве.

Только кликнул совет —
рука, на винтовку ляг!
Шагами громи свет!
Громче печать — шаг.

Наша родина — мир.
Пролетарии всех стран,
ваш щит мы —
вооруженный стан.

Где б враг нè был,
станем под красный флаг.
Над нами мира небо.
Громче печать — шаг.

Отступит назад враг.
Снова России всей:
Рука, на плуг ляг!
Снова, свободная, сей!

Отступит врага нога.
Пыль, убегая, взовьет.
С танка слезь!
К станкам!

Назад!
К труду.
На завод.

ЖДИ МЕНЯ

Константин Симонов

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера,
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь.
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди и с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям на зло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Джек Алтаузен

Я в дом вошел. Темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло.
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило:
Валялся разный мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.
Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед-Мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами,
И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглушает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен.
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным, синим взглядом.
Стоял я долго, каску наклоня,
А за окном скрипели ставни тонко.
И родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.
Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке,
И где снаряды ухали знакомо.
Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

ВЕЛИКИЙ ЯЗЫК

Антон Ашкеру

В родной семье славянских языков
Прекрасней всех один язык могучий,
И сердцу близко сочетанье слов,
И сладостна игра живых созвучий.

Речь русская, ты стала мне родной,
Я овладел орудьем благородным:
Не говорила ль в детстве мать со мной
На языке певучем и свободном?

То в нем рокочут грозные валы,
То слышится любовный шопот милой,
То вспышки молнии сверкают среди мглы,
То гром грохочет с исполинской силой.

И муза русских нив со мной дружна.
Мне песни тайные издавна напевала,
И голосом пленительным она
Навек мой жадный слух околдовала.

Язык великий, гордый властелин,
Твои сыны не могут быть рабами,
Среди твоих лесов, полей, долин
Освобожденья полыхает знамя.

Без промаха разит твой грозный меч.
Извечно рудами страны богаты недра,
Ты пламя вольности сумел в сердцах разжечь,
Ты искры разбросал рукою щедрой.

Язык свободы, позови нас в бой,
Ты стал великой мысли наковальной.
Лишь клички клич — пойдем мы за тобой,
Не утрашит нас тяжкий путь и дальний!

От Каспия до вечной мерзлоты,
От Балтики до синих гор Памира
Заветы вольности несешь народам ты,
Язык прекрасный, утешитель мира!

Перевод со словенского
Марии Замаховской.

СЫН ПОЛЬШИ

Владислав Броневский

Сын Польши, скованной, и сын свободной песни,
О чем я буду петь, когда сожжен мой дом!
Как черный танк, прошел сентябрь, кровавый вестник...
Оружья нет в руке и нет в краю родном!..

Но мы освободим край вольного народа!
Пылай, о сердце! Стих, ты возродись в огне,
Чтоб в Польше расцвела желанная свобода,
Чтоб „Варшавянка“ вновь звучала по стране.

Варшава, встань! Хвала твоим святым руинам!
Родные камни я хотел бы целовать.
О Белоруссия! Дай руку! Украина!
Твой серп и молот дай, моя отчизна-мать!

Свободу мы вернем, и ты, мой край, воскреснешь,
И равенство взойдет сияющей звездой.
Сын Польши, скованной, и сын свободной песни...
Оружья нет в руке. С пером иду я в бой!

Перевод с польского
Марии Замаховской.

МОСКВА

Максим Рыльский

Где веет лучезарный гений
Свободы, творчества, весны,
Где светом мощных дерзновений
Все площади озарены,
Где, горечь бытия изведав,
Идя высокою тропой,
Боролся с ночью Грибоедов
И к строгой правде звал Толстой,
Где все растет неутолимо,
Где ум пылает, как костер,
Где с тенью Пушкина родимой
Вел Маяковский разговор,
Где каждый памятник бесценен,
Где каждый камень — славы след,
Где всем земным народам Ленин
Явил немеркнущий рассвет,
Где над кремлевскою твердыней
Зажегся радостный рубин, —
Там туча грозовая ныне
Из темных приплыла долин.
Не мы ль там, братья, собирались,
Грузин, украинец, башкир,
Не все ль там голоса сливались
В тот голос, что потряс весь мир!
О, сердце всей страны великой,
Неутомимый мозг земли —
Москва! Как мир, ты многолика,
И не тебе лежать в пыли!
Пусть вражи коршуны кружатся,
Прорезывая синеву,
Народов рать идет сражаться
За свет, за счастье, за Москву!

РУССКИЕ ГОСТИНЦЫ

Мария Замаховская

Пишут жены за границу
Францу, Генриху и Фрицу:
„Там запасы велики —
Шли перчатки да чулки,
Мыло, пудру, веник, лейку
И трико и душегрейку —
Все в хозяйстве пригодится“.

Отвечают Францы, Фрицы:
„СССР — не Франция,
Спрятал мало в ранце я.
Лишь у бабы уволок
Пару шелковых чулок,
Старую метелку,
Ржавую иголку.
Не набить нам чемоданов,
Не сгубить нам партизанов,
И такие нам гостинцы
Тут подносят пехотинцы,
Что не охнешь, не вздохнешь —
Вмиг от пули пропадешь.
Иль в ночи артиллеристы
Угостят... икрой зернистой,
Иль зенитчик для утехи
Даст нам ночью на орехи.
Забрались-то мы далеко,
Только в этом мало прока:
Красной рыбы всех сортов
Преподнес нам сам Ростов.
Густо нас в Волоколамске
Осыпали... пудрой дамской.
Вбить хотели русским клин,
Только клином вышел Клин.
Мы не ждали, не гадали —
Тульских пряников нам дали.
Шумно встретил нас Елец:
Вместо брошек да колец
Преподнес один свинец.
Галстук поднесла Калуга
И петлю стянула туго.
В Севастополе и в Керчи
Был наш завтрак переперчен.
И подарок именинный
Приготовил нам Калинин.
Славным ломтем каравая
Угостила Лозовая.
И блины средь зимних стуж
Нам поднес Дорогобуж.
Молодцы-штурмовики
На подъем весьма легки:
„Драпали“ из Тихвина —
Разве в этом их вина?
Получаем мы посылки:
В танки падают бутылки.
И в морозы тут нам жарко —
Вот так русские подарки!“

УРАЛЬЦЫ БЬЮТСЯ ЗДОРОВО

А. Барто

Текст песни, получивший
первую премию на кон-
курсе массовых песен
„Урал — кузница оружия“.

Могучий и грозный
Железный Урал,
Священную клятву
Ты Сталину дал.
Как сталь броневая,
Та клятва тверда:
Первыми будем
На фронте труда.

Уральцы бьются здорово —
Нам сил своих не жаль!
Еще в штыках Суворова
Горела наша сталь.

Клянемся победу
Ковать у станка.
Мы клятву поднимем,
Как знамя полка.
Мы сталью клянемся,
Уральской рудой,
Меткой винтовкой
И красной звездой.

Уральцы бьются здорово —
Нам сил своих не жаль!
Еще в штыках Суворова
Горела наша сталь.

Нам светят, товарищ,
Победы огни!
Мы время сжимаем
В горячие дни.
Колхозник и токарь,
Танкист и кузнец,
Вместе врагу мы
Готовим конец.

Уральцы бьются здорово —
Нам сил своих не жаль!
Еще в штыках Суворова
Горела наша сталь.

САШКО

А. Барто

Уходит отец в партизаны,
Прощаться с отцом нелегко,
И вслед, обливаясь слезами,
Бежит босоногий Сашко.

Бежит он, цепляясь за стремя,
Хватаясь за гриву коня.
— И я в партизаны, со всеми!
Я сильный! Возьмите меня...

Тяжелой и горестной болью
Сжимается сердце отца.
— Куда тебя взять, на недолю?
На смерть? На борьбу до конца?

Нет детскому горю предела.
Отец наклонился в седле.
— За стремя хвататься не дело,
Ты лучше разведай в селе.

Вот тебе в руки граната,
Теперь ты готов ко всему.
Вот тебе в руки граната
И дай я тебя обниму.

Скрылись вдали партизаны,
Теперь и отец далеко.
Спокойный, с сухими глазами
Стоит на дороге Сашко.

Сашко замечает: у хаты,
Где дворик, поросший травой,
Немецкие ходят солдаты,
Немецкий стоит часовой.

Тут офицеры из штаба.
В минуту Сашко на крыльце,
В сердце недетская храбрость,
Решимость на детском лице.

— Я видел в лесу партизаны,
Я шел по опушке вчера,
Я видел своими глазами,
Кто-то сидел у костра.

За пазукой холод гранаты,
Гладкий, холодный металл,
Мальчик стоит среди хаты.
Он все хорошо рассчитал.

Медленно, длинно, подробно,
Он продолжает рассказ..
— Довольно!— кричат ему злобно,
— Где партизаны сейчас?

Ненависть больше не пряча,
Сашко выпрямляется весь,
И слышится голос ребячий:
— Тут партизаны, здесь!

Быстро метнулась граната
В тех шестерых у стола,
Быстро метнулась граната,
К ним смерть, как расплата, пришла.

Сашко, мальчуган босоногий,
Не жить тебе в тихом селе,
Не бегать по светлой дороге,
Спокойный лежишь ты и строгий,
Величье на детском челе.

Грозной и яростной мести
Детские жаждут сердца!

Сашко, мальчуган босоногий,
Мы отомстим до конца
За город, истерзаный боем,
За мирную хату твою,
За юное сердце героя,
Погибшее в смертном бою.

РОДНАЯ УЛИЦА

ЮНЫМ МОСКВИЧАМ

А. Барто.

Я на этой улице
Живу тринадцать лет.
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет!

Мне тут знакомы все дома,
Деревья и дворы...
Вот здесь, когда была зима,
Катались мы с горы.

Здесь у меня миллион друзей!
Все мое звено.
Вместе ходили мы в музей,
На стадион, в кино.

Я на этой улице
Живу тринадцать лет.
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет.

Здесь я встретил Чкалова,
Я подбежал к нему,
Сразу я узнал его,
Не знаю почему.

Мы рядом шли по улице,
А все смотрели в след!
Такой хорошей улицы
Нигде на свете нет.

Летит над нашим городом
Фашистский самолет.
Он шарит черным вороном,
Он мирный город бьет.

Проклятый ворон кружится,
Но в этот грозный час
Чкаловское мужество
Не покидает нас.

В ночную темень спрятанный,
Молчит притихший дом.
На крыше мы с ребятами,
Я на посту своем.

Я защищаю улицу,
Где столько лет живу.
Свою родную улицу,
Любимую Москву.

МОСКОВСКОЙ ДЕВУШКЕ

А. Барто

Вечерами летними
Дали широки.
Шла с друзьями девушка
Вдоль Москва-реки.

Девушка веселая,
Ей было двадцать лет,
Лежал в портфеле новенький
Студенческий билет.

Была москвичкой девушка,
Любила город свой,
Любила каждый камушек
С московской мостовой.

Ложатся тени черные...
Темна Москва-река...
Они стремятся к городу,
Немецкие войска.

Идет с друзьями девушка
Защищать в бою
Летний день безоблачный —
Молодость свою.

Боевая молодость,
Будешь ты жива!
Молодая, сильная,
Победит Москва.

О московской девушке
Вспомним мы не раз,
Будет песня сложена,
Будет жить рассказ.

О московской девушке,
Уходившей в бой,
Защищавшей родину
Под родной Москвой.

ВОЗМЕЗДИЕ

Нагульный

В тот час, когда фашистские войска
К земле родной краями танков вышли,
Спокойно плыли в небе облака,
Спокойно спали дети в Перемышле,
На промысла скользил рабочий бот
От Мурманска по теплому потоку.

Спала Москва, уставши от работ,
Спешили корабли к Владивостоку,
Баку шурфы нефтяные копал,
А в Киеве — в какой-нибудь квартире
Мятежным сном вихрастый мальчик спал,
Нет мысли ни о войнах, ни о мире.

Что снилось мальчику в большом тылу,
В своей согретой крошечной постели,
Когда потоки бомб, прорезав мглу,
Над садом Украины просвистели?

В тот день мы все услышали: „Война!
На нас враги ползут остервенело“.
И прокатилась по стране волна —
Народный гнев, и нет ему предела.

Мы научились дружбой дорожить,
Могучий фронт неотделим от тыла.
На наших русских землях не княжить,
Не водрузить свой флаг тебе, громила!

Ты жаждешь славы, чтоб торжествовать.
Пусть твой кулак над селами протянут,
Но девушкам в рабнях не бывать,
Невольниками юноши не станут.
Мы отстоим земли своей права.
Они, как революция, священны.

Чудовище, подобие гиены,
Не обрести тебе ни торжества,
Ни острова Святой Елены!

Разгула твоего настанет ночь,
И затрубят „псы-рыцари“ тревогу.

Ты, как взбешенный зверь, метнешься прочь,
Но пули преградят тебе дорогу,
Ты кинешься от смерти напрямик,
О тьму штыков могучих рассыпаясь,
И ты захочешь, может, в этот миг
Погибнуть, как великий корсиканец.

Но ты не обрешь той славы, нет!
Она тебе бесчестьем лишь внимала,
Тот, кто когтил Европу столько лет,
Тому позорной, страшной смерти мало.

И ты поймешь, беснуясь и моля,
Что вся планета для тебя измена,
Не то, что наша русская земля,
Твой прах не примут рейнские поля,
Так смраден ты, и так земля священна.
Весь мир, все человечество за нас,
Мы вынесем суровое крещение,
Мы победим, пробил возмездья час,
Да будет истребительным отмщенье!

ГРАНИТНАЯ ТВЕРДЫНЯ

И. Садофьев

Город мой, гранитная твердыня,
Мой любимый, гордый Ленинград,
Вся земля тобой гордится ныне,
Все сердца твоим огнем горят!

Словно в годы молодые, снова —
Неприступен, грозен и силен...
Мир твоим величьем очарован
И твоим упорством изумлен.

Это ты разбойничьи лавины
У ворот своих остановил
И заставил, навзничь опрокинув,
Захлебнуться в собственной крови.

И друзья свободы знают твердо,
Как и в девятнадцатом году, —
В этот город злые вражьи орды
Никакой дорогой не пройдут!

Этот город честь свою и славу,
Честь и славу родины своей
Поднял высоко и величаво
В боевом сверкании огней...

И отныне будет повторяться,
Как присяга, в яростном бою —
Бить врага, бить так, как ленинградцы,
Защищая родину свою.

Потому фашистская горилла
Рвет и мечет в злобе роковой, —
Страшно ей глядеть в свою могилу,
Страшно слушать грозный голос твой.

И за то сердечное спасибо
Выражает родина тебе.
Проходи по улицам красивым,
Слава, закаленная в борьбе!

Мужествуй, любви моей святыня,
Мой родной, могучий Ленинград,
Наша кровь вовеки не остынет,
И сердца бесславно не сгорят!

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

И. Садофьев

Насбирал „в поход крестовый“
Гитлер бражку шулеров,
Бочку выкатил „простого“
Для отъявленных воров:

Для Имреди, Антонеску,
Маннергейма и... других.
И вопил, как будто веско,
О мечтаньях бредовых:

„Пейте, лейте сколько влезет,
А закусывать — в Москву!
Там, кто будет мне полезен,
Дам по жирному куску.

Дам свинины белорусской,
Дам украинской земли,
Дам картошки, дам капустки,
Ешь — ушами шевели!

К лету будем в Ленинграде,
А к началу ноября —
На торжественном параде
У Московского кремля.

А потом отдам в приказе,
Позавидует сам чорт, —
Отъедайся на Кавказе,
Выбирай любой курорт.

Будет жизнь не то, что ныне,
От утра и до утра

Ешьте яблоки и дыни,
Вишни, сливы, виноград...

Ешьте, жрите, сколько влезет".
И орет преступный сброд:
„Пьяный трезвого полезней,
Пьяных пуля не берет!

Рад старца! Рад старца!
Рявкают наперебой,—
Обещаем храбро дратца,
Быть в Москве и за Москвой.

Ради фюрера и водки,
Ради жирного куска,
Хоть до самой до Чукотки
Доведем свои войска.

Выходи на середину,
Ставь вассалов по краям,
И еще непобедимей
Будет армия твоя.

Завоюем всю планету,
Уничтожим всех славян,
Только чтобы было к лету
Каждый сыт и каждый пьян.

Ради водки и закуски
Начинай войну, вали!
Нападай! В садах у русских
Уж черешни отцвели..."

. . . . .

И накинулись бандиты
Под прикрытьем темноты,
Растоптали наши жита,
Нашей родины цветы...

Со звериным озлобленьем
Уголовная орда
Жгла и грабила селенья,
Разоряла города,

Растлевала малолетних,
Убивала стариков,
Провокаторские сплетни
Разносила широко.

Глоткой Геббельса орала,
Как зарвавшийся игрок,—
От Дуная до Урала
Завоеван весь Восток.

Черной кровью истекая
С Красной Армией в бою,
Скоро свора воровская
Гибель встретила свою.

От просторов Приазовья
До балтийских берегов
Много пало поголовья
Битой армии врагов...

Ради чести, ради жизни,
Ради радости детей
Наша славная отчизна
Гонит их со всех путей.

Наша армия героически
Ради славы и труда
Растрепала вражье войско,
Занимая города.

Под знаменами свободы
Продвигается вперед
И со всех фронтов народу
Точный рапорт отдает.

Адрес дан врагу подробный:
Из Ростова — в мир загробный.
Слов не тратя с наглещом
Раскрошили под Ельцом.

И под Тихвином вчера
Лег вповалку немчура.

День стоял все так же розов,
Мы не стали ждать морозов,
Вдоволь своре воровской
Дали жару под Москвой.

. . . . .

Рапорт слушала Европа,
Нашей доблестью гордясь,
Слушал Гитлер с Риббентропом,
Зарываясь носом в грязь.

Рапорт жизни и свободы,
Как пароль и дум и чувств,
Угнетенных стран народы
Повторяют наизусть.

Рапорт приняли как знамя
И Китай и Новый Свет,
Чтоб победно вместе с нами
Встретить радостный расцвет.

А в Берлине — дрожь по коже,
Брань отборная висит
Потому, что каждый может
У захватчиков спросить:

„Расскажите, шулера,
Как идет у вас игра?

Как прошел парад московский,
Как встречал вас Ленинград?
Под какой растет березкой
На Кавказе виноград?

Каковы дела с планетой,
Завоевана ль она?
В год какой, в какое лето
Эта кончится война?

Не от жирной ли свинины
На лице у вас тоска?
Не победно ль победимы
Ваши битые войска?

Какова была закуска?
Не пора ли рассказать,
На каких курортах русских
Вам придется замерзать?“

. . . . .

Вот она войны картина,
Вот „крестовый“ их поход.
Вот от Сталина Берлину
Поздравленье в новый год.

Поздравленья так весомы —
Только ноги уноси...
Потому в игорном доме
Брань отборная висит.

И грозой идут народы
Вместе с нами воевать,
Под знаменами свободы
Злую свору добивать.

Чтоб текли спокойно реки,
Чтоб всегда сады цвели,
Чтоб со всей земли навеки
Сор коричневый смести.

БЕССОНИЦА

Ник. Мерцальский

Я пишу открытку,
    дорогая Эльза,
Из снегов России
    в милый Зильберглясс...
Я замерз, как дьявол!..
    Я устал донельзя!..
Я ни днем ни ночью
    Не смыкаю глаз!..
Днем стоишь в дозоре,
    прыгнет с ветки белка, —
Это партизаны
    нас убить хотят!..
Ночью только ляжешь,
    Слышишь — перестрелка!..
Это партизанский
    налетел отряд.
Еду я с обозом,
    падает начальник...
Это партизаны —
    В сердце, наповал!..
Никуда не скрыться
    от судьбы печальной!..
Я зарылся в сено —
    Вспыхнул сеновал!
Выскочил в ожогах,
    получил две раны...
А на грудь записку
    Кто-то приколол...

Пишут по-немецки,
эти партизаны,
И немецким шрифтом —
подпись: „Комсомол“.
„Приходить в Россию
Мы вас не просили,
А пришли — пеняйте
Сами на себя“...
Эх, Россия-вьюга,
Страшная Россия,
Не видать бы только
Никогда тебя!
Я пишу у печки...
Ветры воют, злятся...
Это партизаны!
Я сойду с ума!..
Видно, не добраться
Мне до Зильберглясса
И не дописать мне
этого письма!..
Ты прости мне, Эльза,—
Знаю, что невесте
Писем так не пишут!..
Снова вой в ушах!..
Я хочу, чтоб фюрер
На моем бы месте
Пожил бы в отрепьях,
в холоде и вшах!..
Извини за резкость,—
Распустились нервы...
Накануне ночью
Филин завывал!..
Чемодан подарков
Больше, чем тот, первый,
Я тебе в колхозах
Организовал...
Ты получишь скоро
Много чуд... Снег скрипнул!
Скоро будет год, как
Мы обручены...
Караул не спит наш!..
Глухо ворон крикнул...
Это партизаны...
Мы обречены!
Знаю, что цензура...
(Вот еще гроза нам!)
Вычеркнет две строчки...
Впрочем, наплевать!..

Самого послать бы
К этим партизанам,
Чтоб узнал, проклятый,
Как совсем не спать!
Кто там? Что за выстрел?!
О, я понимаю,
Караул погиб наш!
В дверь глядит наган...
Я бросаю ручку...
Руки поднимаю...
Пусть поставит точку
Русский партизан!

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА БЕРЛИНА

М. Слободской

Новогодняя картина:
В центре города Берлина
У холодного камина
Ждет подарков фрау Минна,
Что пришлет с Востока муж.

Ей нужна белья корзина,
Дочке туфли, плащ для сына,
Маме боты из резины
И еда нужна к тому ж.

Муж хозяйственный мужчина,
У него полна машина:
Мыло, битая скотина
(У него к телятам страсть!),

Ситец, ходики, холстина.
Два кусочка крепдешина,
Три кастрюли и перина —
Все, что он успел украсть.

Чтобы грабить магазины,
Выполняя просьбу Минны,
Применяя метод клина,
Надо кинуться в прорыв.

(Дочке туфли, плащ для сына,
Маме боты из резины
Вызывают из блондина
Наступательный прорыв).

И повел блондин машину,
И пришел конец блондину —
Напоролся он на мину
(На дороге много мин).

Ну и мину скорчит Минна
(Где хозяйственный мужчина,
Где теперь белья корзина,
Дочке туфли, плащ для сына,

Маме боты из резины?):
Мужу боком вышел клин —
Окачурился блондин!

Новогодняя картина:
В центре города Берлина
У холодного камина
Ждет подарков фрау Минна.

Не видать ей крепдешина,
Ни корзины,
Ни перины —
Не вернется муж в Берлин.

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА О ТРЕХ МАРОДЕРАХ

Ц. Солодарь

Желая встретить Новый год,
Румын на промысел идет:
Жратвы добыть на ужин надо!
Так начинается баллада.
Увидел курицу румын.
Перемахнувши через тын,
Хохлушку сцапал он. И вот,
Ее торжественно несет.
Он хочет куру втиснуть в ранец,
Как вдруг подходит итальянец:
„Эй, мамалыжник, как ты смел
Зацапать то, что я хотел!“
Схватил он курицу. И вот,
Ее торжественно несет,
Подумывая о закуске.
Как вдруг капрал подходит прусский:
„Эй, макаронщик, как ты смел
Награбить то, что я хотел!“ —
Схватил он курицу. И вот,

Ее торжественно несет.
Увидел это партизан
И взвел пристрелянный наган.
Он точно выстрелил с упора —
На свете меньше мародером.
Солдат немецкий так решил:
— Капрала, видимо, убил
Тот итальянец, чорт проклятый,
И грянул выстрел автомата.
За итальянца земляки
Решили броситься в штыки.
Они поймали возле тына
Осоловевшего румына.
Была расправа коротка —
Всего один удар штыка.
Они свой ужин получили
И встретят Новый год в могиле.
А курица жива. И вот,
Ее хозяйка в дом несет
Подальше от голодных гадов.
На том кончается баллада.

КОМСОМОЛЬСКАЯ БОЕВАЯ

И. Садофьев

Песня в дружбе с гармонистом,
Только трели в небесах,
С перебором, с пересвистом
На баяновых басах...

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Расскажи, как бьют фашистов
Комсомольцы на войне,

Как до утренней зарядки
Переправили врага
По прямой без пересадки,
В пекло, к чорту на рога.

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Расскажи, как мы фашистам
Спесь сбиваем на войне.

В полный счет врагу платили,
Бой вели на красоту,—
Осадили, откатали
За вторую высоту.

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Расскажи, как мы фашистам
Дали жару на войне.

Попадая под снаряды
Конанады лобовой,
Не выдерживают гады
Нашей бури огневой.

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Накрутили хвост фашистам
Комсомольцы на войне.

За вождя — отца родного,
За страну — родную мать,
До последнего готовы
Комсомольцы воевать.

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Расскажи, как мы фашистов
Угощаем на войне.

Чечь свою мы не уроним,
Злую свору разобьем,
Со своей земли прогоним
И с лица земли сотрем.

Лейся, песня, полем чистым,
По родимой стороне,
Расскажи, как мы фашистов
В гроб вгоняем на войне.

ПЕСНИ И ЧАСТУШКИ

УРАЛЬСКАЯ КОННИЦА

Слова Н. Куштума

Муз. Б. Штейнпресс
Песня удостоена 1-й премии

Бодро, четко.

f staccato

1. Тра-вы ки-зу кло-нят-ся, мчит-ся на-ша кон-ни-ца
мчит-ся на-ша конница дя слесней бо-е-вой. Ис-кры под ко-пы - та-ми,
конни-ки ис-пы - та-ны, конни-ки ис-пы-та-ны и все го-то-вы в бой. Эх!

sf *tr*

Припев.

БЕЙ, ГРО-МИ ФАШИСТА - ГА-ДИНУ, БЕИ ГА-ДИ-НУ! СМЕ - ЛО ВЫ ПОИ-НИ СВЯ-

ТОЙ СВОЙ ДОЛГ. ЗА СВО-БО-ДУ СЛАВНОЙ РО - ДИ-НЫ ЗА РО - ДИ-НУ!

В БОИ И - ДИ, КЯ - ВА - ЛЕ - РИИ - СКИЙ ПОЛК!

II

Едем все с Урала мы,
Люди мы бывалые,
Люди мы бывалые
И стойкие в бою.

В дни войны суровые
В смертный бой готовы мы,
В смертный бой готовы мы
За родину свою. Эх!

Припев.

III

На страну советскую
Прет орда немецкая,
Подлая и пьяная
Орава палачей.

Встретим их по-русски мы
Огненной закуской,
Слушайте, товарищи,
Вы голос трубачей!

Припев.

IV

Ветер не угонится
За советской конницей.
Чуть сигнал услышим мы,
Эскадрон — в галоп.

Если враг осмелится,
На Москву нацелился,
Бей его без промаха
И без пощады в лоб.

Припев.

V

К бою, кавалерия,
Оправдай доверие,
На тебя надеется ведь
Сталин, наш нарком.

Будет долго помнить
Немцам наша конница.
Угостит их конница
Пулей и клинком.

Припев.

КАЗАЧИИ ЭСКАДРОН

Слова Я. Шварца

Муз. Дан. Покрасс
Песня удостоена 2-й премии

В темпе марша.

ff

ВЕ - ТЕР ГНАЛ ОБЛА - КЯ НАД ПО - ЛЯ - НОИ

И БУ - ДИЛ НА ЛУ - ГАХ ТИ - ШИ - НУ

Эс - кяд ром — кяз - чий вы — шел ут - ром ря - но

в бой скрва - вым вра - гом на бой - ну.

Эс - кяд - ром — кяз - чий вы — шел ут - ром ря - но

в бой скрва - вым вра гом на бой - ну. на бой ну.

Для повторения   *Для окончания*

II

Затяну на коне подругу
И родным до земли поклонюсь:
Не грусти и жди меня, моя подруга,
Я с победой домой возвращусь.

III

Улыбнися, боеца провожая,
До околицы с ним добеги,
Золотистый колос мне от урожая,
Что я святить не успел, сбереги.

IV

Сокрушит на пути все преграды
Острой шашки моей свист и звон.
Знаю я, в бою врагу не даст пощады
Наш казачий лихой эскадрон.

V

Позабывши войны пору злую,
Я цветочков душистых нарву,
Обниму тебя тогда и поцелую
И своею женой назову.

VI

Ветер гнал облака над поляной
И будил на дугах тишину.
Эскадрон казачий вышел утром рано
В бой с кровавым врагом — на войну.

БОЕВАЯ УРАЛЬСКАЯ

Слова С. Стрижова

Муз. Д. Салиман-Владимирова

Песня удостоена 3-й премии

В темпе марша

1. ГРЕ - МИТ ВОИ - НЯ ОТ КРА - Я И ДО КРА Я, ГРО -

sf

3

f

This system shows the beginning of the song. It features a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The piano part includes a triplet of eighth notes in the right hand and a steady eighth-note bass line in the left hand. Dynamics range from *sf* to *f*.

ХО - ЧЕТ ШКВАЛ СУТ - РА И ДО УТ РА ВМО - ГУ - ЧИИ БОИ СЕ -

This system continues the vocal line and piano accompaniment. The piano part maintains the eighth-note bass line and features chords in the right hand. Dynamics are marked *f*.

ГОД НЯ ПО СЫ - ЛЯ ЕТ СВО - НА СЫ - НОВ ПРОСЛАВЛЕННЫИ У РАЛ У РАЛ! У -

crescendo

rit

This system continues the vocal line and piano accompaniment. The piano part includes a *crescendo* marking and a *rit* (ritardando) marking. Dynamics are marked *f*.

РАЛ! СЫ НЫ ГВО И КЛЯ - НУТ СЯ, ЧТО БУ ДУТ ВСЕ РЕ ДО - Я - МИ СТРА

f

3

This system concludes the vocal line and piano accompaniment. The piano part includes a triplet of eighth notes in the right hand and a steady eighth-note bass line in the left hand. Dynamics are marked *f*.

мы у-рал! у- рал! (по-бе-до-ю вер-нут - ся в ро-ди-мый

край, от-важ-ны-е сы-ны 2. Вы- ны!

Для повторения. Для окончания.

II

Выходят в бой
суровые уральцы.
Горят огнем
каленные штыки.
За свой народ,
за честь и славу драться
Идут вперед
уральские полки.

Припев:

Урал! Урал!
Сыны твои кланутся,
Что будут все
Героями страны.
Урал! Урал!
С победою вернутся
В родимый край
Отважные сыны.

III

Седой Урал,
с годами молодея,
Мужал и креп,
растил богатырей,
И честь его
мы поддержать сумеем
Уральской хваткой,
волею своей.

IV

Вперед, да так,
чтоб славы засверкала.
Гордились нами
жены и отцы.
Недаром мы,
товарищи, с Урала,
Недаром мы
прикамские бойцы.

Припев.

Припев.

КОМСОМОЛЬСКАЯ БОЕВАЯ

Слова А. Барто

Муз. Д. Кабалевского
Песня удостоена 3-й премии

1. ПОД - НИ - МАИ - СЯ, МО - ЛО - ДО - Е ВОЙ - СКО.

The first system of the musical score consists of a vocal line and a piano accompaniment. The vocal line is in a treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The lyrics are: "1. ПОД - НИ - МАИ - СЯ, МО - ЛО - ДО - Е ВОЙ - СКО." The piano accompaniment is in a bass clef with the same key signature and time signature, featuring a steady rhythmic accompaniment.

РО - ДИ - НЫ ОТ - ВЯЖ - НЫЕ СЫ - НЫ

The second system continues the musical score. The vocal line has the lyrics: "РО - ДИ - НЫ ОТ - ВЯЖ - НЫЕ СЫ - НЫ". The piano accompaniment continues with a similar rhythmic pattern, providing harmonic support for the vocal melody.

СНА - ШЕЙ ПЕС - НЕЙ СПЕС НЕЙ КОМСО - МОЛЬ - СКОЙ ВБОИ И - ДЕМ -

The third system of the score features the lyrics: "СНА - ШЕЙ ПЕС - НЕЙ СПЕС НЕЙ КОМСО - МОЛЬ - СКОЙ ВБОИ И - ДЕМ -". The vocal line and piano accompaniment maintain the established musical style.

ЗЯ МО - ЛОДОСТЬ СТРА - НЫ ПЕС - НЯ КОМСО - МОЛЬ - СКА Я.

Криков

The fourth and final system on this page contains the lyrics: "ЗЯ МО - ЛОДОСТЬ СТРА - НЫ ПЕС - НЯ КОМСО - МОЛЬ - СКА Я." The vocal line concludes with a final note, and the piano accompaniment provides a concluding harmonic structure. The name "Криков" is written below the piano part.

ПЕС-НЯ БО - Е ВА - Я, ТЫ ЛЕ - ТИ, ЛЕ - ТИ ВПЕ -

ред. Вся СТРАНА со - вет - ская, вся СТРАНА род -

ня - я на свя - щен - ный бой и - дет.

II

Молодые, смелые танкисты,
Летчики, герои-моряки,
Пехотинцы, конники, радисты,
Мы теперь в бою не новички.

Припев:

Песня комсомольская,
Песня боевая,
Ты лети, лети вперед!
Вся страна советская,
Вся страна родная
На священный бой идет!

III

Мы идем в огонь ночных разведок,
Мы на первой линии огня,
Мы, друзья, живем для дня победы,
Для большого, радостного дня.

Припев.

IV

Молодая, сталинская сила
Поднялась на лютого врага,—
Ждет его холодная могила
Русские, суровые снега.

Припев.

ДВА БРАТА

Слова А. Барто

Муз. Д. Кабалевского

Песня удостоена 3-й премии

Сол тако

ЛУГ - РОМ, ПОС - ЛЕ

БО - Я СНО - ВА НЕ - БО ЧИС - ТО И ВСТА - ЕТ НАД

ПО - ЛЕМ МЕД - ЛЕН - НЫЙ РАС С ВЕТ РА НЕ - НЫ ДВА

БРА - ТА, ДВА БОИ - ЦА СЯ - ЗИС - ТА, СТАР - ШЕ - МУ ИЗ

БРА ТЬЕВ ДЕ - ВЯТ - НАД - ЦАТЬ ЛЕТ.

II

Было ночью небо
 Заревом объято,
 Огненные вихри
 Поднялись с земли.
 Два бойца-связиста,
 Два бойца, два брата,
 Под горячим вихрем
 По земле ползли.

III

И один из братьев
 Ободрял другого,
 Ободрял другого,
 Смерти не боясь.
 Мы найдем, исправим
 Поврежденный провод,
 Мы сейчас наладим
 С командиром связь.

IV

Всю свою отвагу,
 Мужество и силу
 Два бойца, два брата
 Вкладывали в бой.
 Два бойца, два брата,
 Выполнили свято
 Комсомольский долг свой,
 Долг свой боевой.

V

Утром после боя
 Снова небо чисто,
 И встает над полем
 Медленный рассвет.
 Ранены два брата,
 Два бойца-связиста,
 Старшему из братьев
 Девятнадцать лет.

ОБОРОННЫЕ ЧАСТУШКИ

Белофиннов мы крушили
И опять пойдем в поход.
Сам товарищ Ворошилов
Наше войско поведет.
    Поравдумав хорошенько,
    Немцы тон понизили:
    Снова маршал Тимошенко
    Двинул в бой дивизии.
Милый мой срубил осину,
Песни пел и делал гроб.
„Кто заказывал?“ — спросила,
Он ответил: „Риббентроп“.
    Не плыви в дырявой лодке,
    Поплывешь — намучишься.
    Не читай германской сводки,
    Только врать научишься.
Брат на фронт уходит с ротой.
Вот тебе моя рука:
Ты работай пулеметом,
А я встану у станка.
    Вы не гните, финны, спины,
    Если вы не дураки,
    Ну-ка в сторону Берлина
    Поворачивай штыки.
Бабка мерила года,
Отказалась стариться:
Снова буду молода,
Когда Гитлер свалится.
    Пусть бандиты „Мессершмитты“
    Завели для грабежей,
    Будут все они разбиты
    У советских рубежей.
Дороги родные дали
Сердцу каждого бойца.
Нам велел товарищ Сталин
Бить бандитов до конца.

В. Трапезников

Цена 3 р. 75 к.